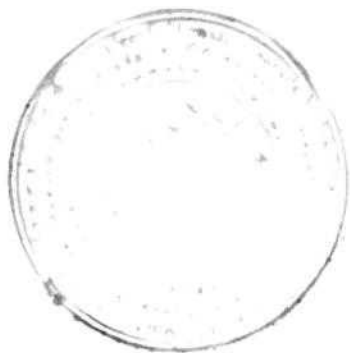
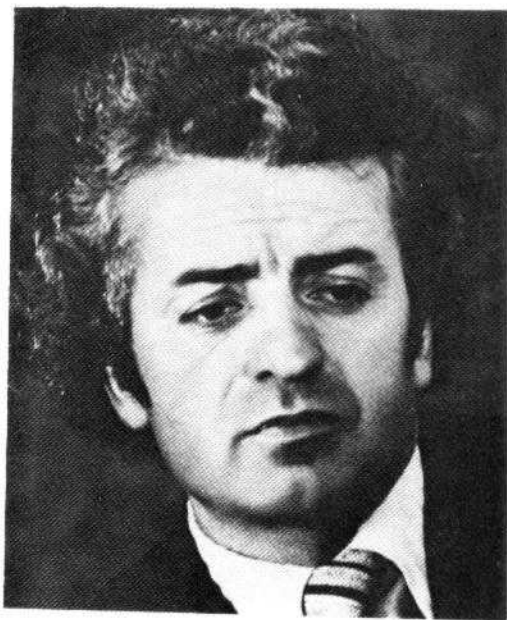

Степан
Куроглу
РОДОСЛОВНОЕ
ДРЕВО

Степан
Куроглу
РОДОСЛОВНОЕ
ДРЕВО

Chyprians

**Степан
Куроглу**
**РОДОСЛОВНОЕ
ДРЕВО**

Стихи

Поэмы

КИШИНЕВ
«ЛИТЕРАТУРА АРТИСТИКЭ»
1988

ББК 84Г—5
К 93

Перевод с гагаузского
Вступительное слово **С. Иванова**
Художник **А. Ололенко**

©Издательство «Литература
артистикэ», 1988

К $\frac{4702150000-218}{M756(10)-88}$ 26—88

ISBN 5—368—00026—X

Автор поэтического сборника «Родословное древо» Степан Куроглу — видный гагаузский поэт и ученый-этнограф, известный своему народу стихами и прозой на родном языке. Его стихи звучали и в переводах на родственные тюркские языки (азербайджанский, алтайский, киргизский, татарский), отдельные стихотворения публиковались на русском и молдавском языках.

Лежащий перед читателем сборник — наиболее полное собрание стихов С. Куроглу, переведенных на русский язык.

Поэзия С. Куроглу дышит любовью к своему народу и родной Буджакской степи — территории основного расселения гагаузов, небольшого народа, сохранившего в сложных исторических судьбах свой язык, свои традиции, неповторимые черты своеобразия культуры и быта.

В стихах С. Куроглу звучат мотивы любви к своей исторической родине, к степным просторам Буджака, к простым труженикам и их жизни, к памяти предков. Многие стихи окрашены философскими раздумьями о трудных судьбах истории народа, об его этических и эстетических воззрениях, о трудовых традициях.

Со страниц поэтической книги С. Куроглу встает и образ самого автора, близко связанного с народом и глубоко любящего родные села и поля, а также обычаи и быт своего народа, которые он изучает как исследователь-этнограф (он — кандидат исторических наук) и претворяет в яркие поэтические образы.

С. ИВАНОВ

Взглядами измерив наши дали,
где хлеба земле поклоны бьют,
вижу колыханье стягов алых,
люди их красивые несут.
Что-то в каждом есть от громовержца,
под ногами — твердь и облака,
и стучит, стучит, как молот, сердце,
держит серп могучая рука.
...Солнцем и ветрами озоруя,
длинную отбрасывая тень,
Родина, с твоей руки стартует
новый день.

ЗЕМЛЯ

Ты — мать моя, земля родная,
Я — крохотный комочек твой,
Твои ладони ощущаю
И власть простора над собой.

Мой прадед, воин и кочевник,
На миг оставивши седло,
Встал пред тобою на колени,
Поцеловал твое чело.

Мой дед, рассвета и заката
Нерасторжимо-кровный брат,
В обнимку жил с тобой когда-то,
В обнимку умер, как солдат.

Отец в суровую годину
Под сердцем горсть земли носил,
Та горсть в огне хранила сына
И сыну придавала сил.

Земля, ты талисман, ты гений,
Ты — мать, перед которой встал
Я, убежденный, на колени
И в сотый раз поцеловал.

ЭХО СТЕПИ

На белом свете — каждый миг
и каждый божий день
язык народа, трав язык
озвучивает тень —

Тень предков, древние следы,
курганы и тылсым¹,
степь, виноградники, сады,
сон утренней росы.

Мне душу подарил народ,
но что я дал — взамен? —
Необычайной мысли взлет
для кладки мирных стен?

Свой опыт или ремесло,
что побеждает зло?
Дыханье сына и тепло,
дыханье и тепло!

Народ по-прежнему в пути,
горит звезда Кремля.
Я слышу, как в моей груди
вращается земля.

* Домовой, дух жилища. Согласно верованиям гагаузов, в древности в фундамент зданий для их прочности замуровывали людей (гагаузск.).

ОТВЕТ ТУРКМЕНСКОМУ ДРУГУ

Пишет друг мой из Туркменистана:
— Расскажи о Буджаке своем.
Ну, а лучше — приезжай! Курбана*
мы с тобой отведаем вдвоем...
Отвечаю другу:— Сам ты тоже,
будет случай, в гости приезжай.
Наши судьбы, как две капли, схожи
и на твой похож буджакский край.
Погляди внимательней на Млечный
Путь, что мы зовем Саман-Йолу:
это на арбах дорогой вечной
наши предки пересекают мглу.
А теперь представь: рассвет, туман,
солнечные нити золотые,
и холмов степенный караван,
и поля, хлебами залитые.
Догорают поздние костры,
прикорнули овцы в стороне,
словно на Гыр-ате Героглы** —
молодой чабан на скакуне...
Это — утро в милом Буджаке!
О, юртлук***, мечта и зов дорог!
О, мальчонка со звездой в руке,
юрта детства, теплый уголок!
Мама, наклонясь над колыбелью,
часто вечерами при луне
о крылатых птицах счастья пела,
что когда-то прилетят ко мне.

* Жертвенный ягиенок (гагаузск.).

** Имя коня эпического героя Героглы (гагаузск.).

*** Родина (гагаузск.).

Эта колыбельная знакома
и тебе, туркмену, хорошо.
Свят для нас очаг родного дома,
как и чувство Родины большой!
Как наследство — вечная забота:
мы колодцы строим и мосты,
сыновей растим... И от того-то
наши родники всегда чисты.
Описать мой край? Бессильно слово.
Посему давай поступим так:
приезжай, мой друг, «Хош гель!»*
в Молдову,
сам увидишь солнечный Буджак!

* Добро пожаловать (гагаузск.).

Время меняет лицо Буджака,
Новое резче в чертах проступает.
Даже полынь, что стояла века,
Ныне с лица Буджака исчезает.

Что изменилось и что отцвело
В милом, до боли знакомом пейзаже?
Сердцу с годами в степи тяжело,
Только любовь к ней все та же, все та же...

ВЕЧНОЕ

Не просто явленьем в земные пределы
прославил себя на земле человек.
Он выбрал для славы не слово, а дело,
и делом продлил убывающий век.

Знать, время бессмертно, а жизнь
быстротечна,
и нет снисхожденья к земным временам,
и нить ариадны протянута вечно,
и где оборвется — неведомо нам.

И знаем мы только о дне наступившем,
что он, приносящий добро или зло,
так быстро становится прошлым и бывшим!—
Хотя сохраняет людское тепло...

Считается, если ты вырастил сына
и высадил деревце, если заря
над домом, тобой возведенным, всеильна,
то значит ты прожил на свете не зря.

А если ты вырыл колодец в пустыне,
расчистил в лесочке завал родника
и выстроил мост — то пребудешь отныне
ты в памяти честной уже на века.

Степь моя, степь, ты вчера лишь пустынной
казалась для жителей сказочных мест,
а ныне чаруешь не далью полынной —
огнем виноградников, видных окрест.

А нынче, куда ни посмотришь — колодцы,
мосты, родники и домов белизна,
и все, что с уходом людей остается
в степи, сохраняющей их имена.

СЛОВО

Жизнь — дорога, что всходит к вершине,
каждый раз неизвестная вновь.
Конь оседлан, путь выбран, и ныне —
слово мудрое в путь приготовь.

Пусть твой разум всего не предвидит,
может конь оступиться и пасть.
Ну а слово? — оно не обидит,
если в слове — и мудрость, и страсть.

Слово доброе сил прибавляет,
и легко поднимает на щит,
а недоброе — в бездну толкает
или ненависть в нас ворошит.

Слово — нур*, элемент мирозданья,
его время не старит ничуть,
оно так же лишает дыханья,
как стрела, что вонзается в грудь.

Если слово доходит до сердца
и безумствует в жилах, как кровь,
значит, — правда, и некуда деться,
значит, слово то — в глаз, а не в бровь.

Слово — птица, узнавшая небо,
слово — камень, летящий из рук,
или молния, бьющая слепо,
или истины замкнутый круг.

* Источник света, его эпицентр; блеск глаз (*гага-узск.*).

Слово горы в безмолвии будит,
вызывает обвалы лавин,
и неправду безжалостно судит,
с ней выходит один на один.

Слово реет, как честное знамя,
и бойцы собираются в бой.
В слове — время встает, как цунами,
вечность спит, словно штиль вековой.

Слово также целебно, как травы,
чтобы злые недуги лечить,
может пахнуть оно, как отравы,
и как чистая правда, горчить.

Слово пусть красотою чарует,
пусть хоть редко, но метко звучит,
увлекает, шалит, озорует,
убеждает, рыдает, кричит.

Слово — бог. И желаю я снова,
повторяя начало начал,—
пусть такое отыщется слово,
чтоб и мертвый из праха восстал!

СТРУНЫ

Ночь в былинке и росинке каждой
гнезда понастроила для сна.
Колыбельную пропел однажды
ей кауш, старинный, как луна.

Голосом праматери запело —
лишь струны коснулся музыкант —
все в природе: и душа, и тело...
Был костер цветаст и языкаст.

Пел кауш, пространство обнимая,
пел о том, как при большой луне
предки шли из Горного Алтая,
песнь-судьба летела на коне.

Струны музыкант перебирает,
и кауш поет, звенит, вещает:
прадед — житель солнечных Балкан,
дед — родился здесь, среди молдаван.

Ночь в гнезде долины поживает,
звездной данью обложив зенит,
степь родная пахнет караваем,
аксакал-кауш ручьем звенит.

Годы, словно тучи, на закаты
надвигались, унося с собой
буйные дороги, вехи, даты,
струн напевы, облаков прибой.

Аксакал-кауш, старик, прохожий,
я люблю старинный твой мотив,
ты красиво и достойно прожил,
для потомков голос сохранив,—

Голос вьюги, голос урожая,
голос дикой птицы, голос стрел...
Замер он и через миг запел,
и земле, и небу подражая.

РОСЫ ГОРЯЧИЕ

В то утро не взошла заря-краса,
подобье ангельских воскрылий:
Сожгли пожарища ее глаза,
разрывы бомб ее похоронили.

Обнять забывши второпях детей,
впервые адской круговертью
отцы, как по обломкам дымных дней,
шли на свидание со смертью.

Посланец смерти, многотонный взрыв,
на сотни взрывов маленьких расколот,
нес в души, яд вражды расшевелив,
перед лицом небытия — свой холод.

Бездушный пепел до сих пор кричит,
и до сих пор оплавлены закаты...
О, как вы были, росы, горячи! —
не вы ль навеки обожгли солдата?

Заря... Любовь... И падают во тьму
прохладных рос — ладони, губы, взгляды.
Я помню все, желаю потому
сердцам — пожара, а росе — прохлады.

Родина вручила лист бумаги,
утро — бездну света и огня,
сердце преисполнилось отваги
и на слово вывело меня.

Ветер веет, как судьбы веленье,
солнце, как прозрение, оно
мне перо вручило,— оперенье
золотым и алым быть должно.

Наделил народ меня душою,
и летит — звенящая стрела —
жизнь моя,— за вечною рекою
времени, за вымахом орла.

...И лечу я, сохранить пытаюсь
буйность чувств, зеленых, как трава,
ясный ум и чистые, как завязь,
и незамутненные слова.

Нам выпало немало испытаний,
но презирая трусость или страх,
мы не боялись тягот и скитаний,
а только закалялись на ветрах.

Нам не с руки бояться в жизни боли,
коней лихих бояться не с руки.
Чем ураган сильнее, тем крепче воля
и тем упорней в скачке седоки.

К нам лихо расповаживалось в гости,
на нас, невесть откуда, шла беда,
и мы сжимали кулаки от злости,
и не боялись битвы никогда.

В суровой битве насмерть мы стояли,
теряя близких, милых и друзей,
такую крепость духа обретали,
какую впору выставлять в музей.

И, стало быть, в бою суровом было
добыто счастье. Потому и мне
так дорога и крепость та, и сила,
и это счастье дорого вдвойне.

Стремимся до исхода дней
к источнику тепла, однако —
сгораем, — но всего скорей —
от власти холода и мрака.

Когда от нас скрывают свет,
когда бессолнечно и больно,
мы, как подсолнухи, невольно
за солнцем тянемся вослед.

Я узнаю открытость лиц
в подсолнухах, дрожащих слепо,
и предка, что склонился ниц
перед суровым Богом Неба.*

Язычник, я огня прошу
у неба и земли... Покуда
жива надежда — я дышу
и вновь безумно верю в чудо.

* Бог Неба — языческое всемогущее божество древних тюрков — Тенгри, которому поклонялись люди. (Прим. автора).

СТЕПНОЙ РОДНИК

Если вы попадете однажды
в степь Буджакскую издалека —
загляните в селенье и жажду
утолите у родника.

У воды, отдающей прохладой,
прерывается путника путь,
к ней тропинки сбегаются, рады
освежиться и передохнуть.

Если хочется сердцу покоя
и по песням тоскует душа,
у ромашки спроси, у левкоя,
у полыни степной не спеша
расспроси, как, изведавши жажду,
за водой приходили сюда,
и, увидев все это однажды,
оставались уже — навсегда.

...Кто захочет восстать, возродиться
и найти золотую строку,
пусть в Буджакскую степь возвратится
и поклонится роднику.

У ОЧАГА ДЕТСТВА

Дом детства — наша первая родина. В нем бережно хранится память семьи. Память хранят даже стены. Пока жива мать не затухает очаг. Как и очаг, сердце матери томится в ожидании гостей — детей, живущих вдали от родных мест.

Снова в доме, как в храме, который помнит детства дыханье и свет добрых духов, служивших опорой, постаревших на тысячу лет.

Снова дома. С дороги вздремнулось. И как будто вернулись ко мне эти сны, это детство вернулось — в материнских глазах, в глубине.

Она с темною грустью смотрела, поправляла постель, и, светла, за окошком качалась, скрипела постаревшая также ветла.

Чтобы образ твой вечный запомнить, я ищу его снова во сне...
Я глаза закрываю, легко мне — возвращается детство ко мне.

Время четки лет перебирает,
 будто камни скатывает с гор.
 Над Вселенной эхо замирает
 и ему внимающий простор.

Но сильней любых стихий природы
 жизнь, которой вправду нет конца,—
 на земле грядущее народы
 создают с верою творца.

Созидает в Буджаке любимом
 мой народ: родная речь слышна.
 Старина его неистребима,
 святость очага сохранена.

Строимся — меджи* нас выручает,
 сын родился — так на радость всем!
 И гостей, как праздники, встречает
 мой народ, достойный всех поэм.

С мартою,** двухцветною повязкой,
 и с сурваки,*** словно в старину,
 что-то вносим в жизнь свою от сказки,
 Новый год встречая и весну.

* Коллективная работа по строительству дома (гагаузск.).

** Повязка из нити, символизирующая лучшие пожелания в жизни, надевается на кисть руки в день наступления весны (гагаузск.).

*** Ритуальный пруттик, с помощью которого в первый день Нового года поздравляют родственников и близких (гагаузск.).

А когда суровый час нагрянет,
то встречаем мужеством своим.
Хоть никто из праха не восстанет —
память предков пестуем и чтим.

Время четки лет перебирает,
в мглу уходят годы и века,
будущее крылья расправляет —
в нем народ мой жив наверняка!

СМЫСЛ ЖИЗНИ

И. К. Чобану

Закон природы справедлив и вечен:
явился в мир — так значит, должен жить,
и путь избрать, что был тебе намечен,
и жизни смысл постичь и завершить.

Одним дано — сомнение и поиск,
другим — исчезнуть, как из рук вода,
и в жизни промелькнуть, как скорый поезд,
и не оставить о себе следа.

Кому-то... — часто думаю об этом,
дарована такая простота —
род продолжать и радоваться свету,
сомнением не терзаясь никогда.

О как созвучен этому обычай
земли молдавской — возводить мосты.
Мост через Днестр и через Прут привычны,
но кто их строил — не забыл ли ты?

Рекой течет неудержимо время,
смывая зависть друга и врага.
Оно с водой уносит боль и бремя,
и вечны только люди — берега.

Мой брат Ион, тебе открылась бездна
простого смысла жизни, бытия, —
ты проложил «Мосты»* к сердцам безвестным
и нити протянул — считаю я.

* Название романа И. К. Чобану.

И аистом с бурлуем** в клюве крепком
мир облетают образы твои
и приглашают в гости к травам терпким
туда, где вторят дойне — соловьи,

чтоб в простоте неписанных законов
любой открыл неповторимый дар
прожить на свете белом, незнакомом —
как радуга, как вера, как пожар...

** Сосуд для вина (молд.).

ПОИСК

Всю жизнь искал,
Один. Все сам да сам.
Ни днем, ни ночью
Отдыха не знал.
И воли не хотел
Давать слезам,
И все же плакал.
И опять искал.
Была длинна дорога и тяжка.
Я в гору шел
И опускался в дол.
Но вот находка —
Жилка у виска.
Я удивляюсь.
Я себя нашел.

НЕБО В НАСЛЕДСТВО

Голубая юрта печенега —
Небосвод, повисший надо мной...
С детства я люблю смотреть на небо.
Зачарован вечной синевой.

Магия лазурного пространства,
Ты влечешь меня не оттого ль,
Что в тебе — и зов межзвездных странствий,
И земная радость или боль?

Солнце пронеслось горячей птицей —
Только степь встревоженно шумит.
На коне за ним охотник мчится,
Сыпля искры звезд из-под копыт.

Небо детства, небо сказок вещей,
Две арбы Медведиц, пыль дорог...
Стадо златорунное овецек
Гонит месяц, сам золоторог.

Завещал мне пращур или прадед
Поклоненье звездным чудесам.
Их на мой-то век, быть может, хватит,
А вот сыну, внуку — что отдам?

И лежу я, голову закинув,
Грезя не о небе — о земле,
И кровавый блеск светил-рубинов
Не находит отклика во мне.

Нет, сперва от глупости и гнева
Землю убереечь обязан я.
А уж там — останется и небо,
И под небом — наши сыновья.

ДОЛГ

Я в долгу неоплатном,
Я в долгу постоянном
Перед другом и братом,
Небом и океаном.
Перед матерью старой,
Перед дочкой и сыном
Я в долгу неустанным,
Я в долгу нестерпимом
Перед пахарем мудрым
И младенческой зыбкой,
Перед ночью и утром
И твоею улыбкой.

ВЕК

Век — просто — ах!
снег — на висках.
Поторопись,
дорога-жизнь!
Конь на дыбы —
не жди судьбы.

Бескрайний век,
век-бог, век-бег,
я — человек!
Пот на челе,
звенеть — стреле,
прижмись к земле!

Век пропастей,
век скоростей,
в обнимку с ним
в зенит летим,
к иным мирам —
как на байрам!*

Летим за край,—
«Эй, поспешай!»—
он мне кричит,
мой вечный щит,
мой бог, мой снег,
двадцатый век.

* Праздник, торжество (*гагаузск.*).

* * *

Будь безымянным, знаменитым,
в тайге прокладывающим путь,
на рынке продающим сито*,
кем хочешь в этом мире будь.
Будь мусорщиком, трубочистом,
ассенизатором, певцом,
безбожником и оптимистом, —
кем хочешь, но не подлецом.
Не будь носителем несчастий
и осквернителем святынь,
на побегушках у начальства
не будь и бога не отринь,
не сотвори в душе обмана,
не заведи в тупик слова,
не будь Зонлом и Иваном,
совсем не помнящим родства.

* * *

Побеждают — храбрые,
делят славу — равные,
погибают — близкие,
а приходят — славные.
Поддаются — слабые,
и до дна ту чашу
испивают — знаю я —
сыновья не наши.

* Согласно представлениям гагаузских крестьян, продать сито — предмет кухонной утвари, значит стать нищим, обнищать.

КАМНИ ПАМЯТИ

Сквозь дожди, не уставшие падать,
дышит холод. Туман на стерне.
Время мчится рекою, а память,
как песок, оседает на дне.
Я кричу, я хочу оглянуться,
я хочу очутиться в былом,
от которого лишь остаются
камни памяти — там, за углом..
Дни разлук календарь отсчитает,
в беге дней не развеять тоски.
Мои ночи в бессонницах тают,
но у памяти сны глубоки.

СПЕШУ...

Жизнь — буераки, преграды, ухабы,
мчим без оглядки по ней.
Коль необъезженна даль, так хотя бы
остепенить бы коней!

Жизни пути — не просторы без края,
то ли к врагу, то ли к другу — спешу;
матери сын, я ее повторяю,
людям добро приношу.

В жизни бывает: дорога беспечно
сводит с врагом на одном берегу...
Я, сын отца своего, и, конечно,
не уступаю врагу.

Жизнь — это миг. Сколько дел я не начал,
сколько закончить спешу...
Кто там в ночи так стремительно скачет?
Посторонитесь, прошу...

Поэт, чего тебе страшиться
в короткой веренице дней?—
Коль ты поэт — паришь как птица,
не на земле живешь — над ней.

Небытия закон нещаден,
хоть умаляй — не умаляй,
он и царям как данность даден,
хоть жизнь и льется через край.

И что певцу слова пустые,
и что закон суровый тот?!
Взгляните на него — стихия,
стихи пришли — и он поет!

Чего страшиться мне, скажите,—
душа в полет устремлена!
Коль нет стихов и нет наитий,
тогда зачем мне жизнь дана?

НИЗАМИ

Многоголосый день отгрохотал
и сполз за длинный горизонт устало,
как льдина с летних гор... И ночь
настала,
и новый день к рассвету подступал.
Уходят караваны грузных лет
из света в тень, в далекие скитанья,
возврата нет, но пролегает след,
как Млечный Путь, в глубины
мироздания.

Перебирает вечность ночь и день
и календарь свой медленно листает,
и горизонт у основанья тает,
чугунную отбрасывая тень.
Уходит день и ночь спешит в свой час,
и мчится время, медленное вроде,
уходят люди иногда от нас,
не повторяясь никогда в природе.
А Низами, великий маг строки,
из Гянджа нежный животворец слова,
законам вечной смерти вопреки,
над мирозданьем возникает снова.
Устами тысяч, одержимых им,
великий азерн стихи читает,
и тает время, и глотает дым,
и он живым из бездны вырастает.

ПТИЦЫ — ВОЛНЫ

Волны — это птицы, что, взлетев,
остаются в берегах своих.
Запускает их с ладони — дев*,
сине море запускает их.

Дев живет в глубинах, как всегда,
ловит рыбу, ловко сети вяжет,
конопатит корабли и даже —
даже сам их строит иногда.

Шаг его измерить тяжело,
паруса его напряжены,
он и волны ставит на крыло,
им и зори в мире зажжены.

Дышат строчки, замыслы, мечты,
всех стихий и всех желаний иго...
...Море, море, как похоже ты
на мою распахнутую книгу!

...Дев, живи в глубинах и твори,
парусом лети по вечной сини!
Гладь спокойна внешне, но внутри
есть огонь неукротимой силы.

* Мифический исполин, див, великан (*гагаузск.*).

ПАМЯТЬ

Степь полынная.
Могила.
Спит солдат —
Чей-то родич,
Чей-то милый,
Чей-то брат.
Кто на камне
Надпись вырезал
Резцом:
«Не спешите,
Помолчите
Над бойцом».
Прилетают птицы.
Падают
В траву.
Крылья режут,
Разрезают
Синеву.
Спит солдат.
Пройдет прохожий,
Помолчит.
Над солдатом
Тишина лежит,
Как щит.

ГВОЗДИКА

Памяти Ф. Курогло

Здесь, у тына, в сорок первом
Расстреляли коммуниста.
Умирая, мать-землю
Обагрил он кровью чистой.

Но прошли десятилетия,
И гвоздика возле тына —
Словно звездочка бессмертья
В память матери от сына.

РАЗЛУКА

На перроне вокзала,
в милой мне стороне,
помню, с прустью стояла
чья-то мать в стороне.
Вслед составу глядела,
вся — тоска и печаль,
а дорога летела,
а дорога гудела
и звенела, как сталь.
Вот и сына умчала,
а насколько — бог весть...
На перроне вокзала
чья-то мама стояла —
помню это поднесь.
Помню: взором покорным
из-под темных бровей,
в одеянии черном —
схожа с мамой моей...

ЗЕМНОЕ

Ты видишь ли в осенний миг
клин, уходящий в синеву,
ты слышишь ли прощальный клик,—
я им пока еще живу.

Убит разлукою с тобой,
брожу я по земным путям,
как будто матерью родной
незащищенное дитя.

Скатив тяжелый жизни ком,
я все-таки к тебе вернусь:
предстану чистым родником,
тропинкой с гор твоих прольюсь.

ЗВЕЗДЫ

Легенды озаряют мглу столетий,
И понял я в далекие года,
Что каждому живущему на свете
Дарована судьбы его звезда.

Едва раздастся крик из колыбели,
Она уже блистает в небесах,
Ведет дитя к еще незримой цели
И озаряет путь ему впотьмах.

Манит скитальца свет звезды Полярной,
И космонавт летит в свой звездный дом,
Манит мальчонку славой легендарной
Солдатская звезда над козырьком.

Мечтателям земли сияют звезды
На башнях благородного Кремля.
Оглан к Ярим* влеком звездой грозной,
Моя звезда — поэзия моя.

Пока она пылает в черной бездне,
И радостен, и счастлив человек.
Но стоит ей погаснуть — он исчезнет,
Хоть и может быть, его и длится век.

Итак, живи и создай, и празднуй,
И радуйся в своем земном саду,
Но в каждый миг — несчастный и
прекрасный,—
Как око береги свою звезду.

* В гагаузском фольклоре — юноша, одержимый любовью, Ярим — его возлюбленная (гагаузск.).

КУШАК ДРУЖБЫ

Как это было?
А было вот так:
дуга поднялась в небеса,
ее разноцветный,
живой кушак
края горизонта связал.

Разве так же нельзя
протянуть
ленту дружбы по всей Земле,
чтоб дышала
свободней грудь,
чтобы думалось веселей?

КОЛЫШУТСЯ ТРАВЫ, ВОЛНУЮТСЯ МАКИ...

*Памяти земляка Антона Буюк-
клы, повторившего подвиг Але-
ксандра Матросова*

На Сахалине,
под сопкой заросшей,
маленький холмик —
могила солдата.
Колышутся травы,
волнуются маки —
здесь кровь пролилась
в роковом
сорок пятом.
Антон Буюклы
встает перед дотом,
дотом японца,
в четыре наката...
Колышутся травы,
волнуются маки.
На Сахалине —
могила солдата.
Не вытоптать память,
не высушить слезы,
цветы постоянно
на холмике этом.
Здесь звезды и птицы,
рассветы, закаты...
Средь сопок печальных —
могила солдата.
Здесь сложно и просто —
до тихого звона —
здесь маки — как звезды,
а травы — знамена.

ПЕСНЬ О РУКАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Зори ли на землю опустились,
солнце ли рассыпалось дождем?
Хлебный дух, наполнившийся силой
водит праздник в Буджаке степном.

Излучает желтый свет пшеница,
дышит материнством и теплом...
Хлебный дух и ширится, и длится
под небесным световым крылом.

Степь как будто поднимает тосты
за людей горячего труда,
бьют в литавры молодые звезды,
в бубен бьет глубокая вода.

Пред его Величеством — народом —
преклонилась царственная степь.
Пахнут хлебом руки и природа,
освящают этот трудный хлеб.

Так прославим руки трудовые,
вещее начало всех начал!
Пусть они отныне, как живые,
бронзою взойдут на пьедестал.

КАПЛИ

Снега просеялись сквозь тишь,
тепло рождается без муки.
Упали капли наземь с крыш —
земля подставила им руки.

Берется временем в тиски
жизнь — и вытаптывает годы,
капели — это ведь шаги,
прислушайся: шаги природы...

КРАСНЫЙ ЦВЕТ

Бывало, нам говорили деды:
«На вкус и на цвет товарищей нет».
Товарищи — есть! Нет дороже цвета
И краше цвета, чем красный цвет.

Мячиком красным играют дети,
Красные девицы краше роз.
А дед мой вяжет весною к ветке
Красную нитку, чтоб колос рос.

Но разве лишь этим мне дорог цвет мой?
Нет, здесь из прошлого тянется нить.
Под красным флагом дорогой светлой
Мы шли, чтоб драться и победить.

И красное сердце в беге и страсти
Стучится в грудь и кипит в бою.
Родина, нужно твой флаг окрасить?
Возьми мое сердце и кровь мою.

Милый Буджак мой,
и плотью и кровью
Твой навсегда я,
и без суесловья
тотчас примчусь,
если кликнешь на
помощь...
Помнишь ли ты меня? Ты меня
помнишь?

Высокий огонь

СВЕРКАЮТ МОЛНИЕЙ ДЕРЕВЬЯ...

Сознание восторгом туманя,
встает молодая заря.
Деревья на снежной поляне,
как высверки молний, горят.

И может, поэтому тает
и близится грома набег,
что в небо деревья вырастают,
вонзаются молнии в снег.

Пусть нет еще отзвуков тонких,
раскатов не слышно пока,
но тихая песнь жаворонка
вливается в плеск родника.

И хочется к великолепью
добавить торжественный клин,
чтоб вышла весна и со степью
сошлася — один на один.

В глазах — ожидание чуда,
и чудится клекот и грай,
и шум проникает повсюду,
и льется уже через край.

И солнце в проснувшихся ветках
сучит незатейливо нить,
и луч посылает в разведку,
и силится почки раскрыть.

И в дверь осторожно стучится,
и падает утром в окно,
и кажется, что-то случится,
счастливое что-то — должно.

О, если и вправду впитать бы
в себя этот утренний свет!
...Весна промелькнет, словно свадьба,
не скажешь, была или нет.

ВЕСЕННЕЕ

Льется воздух, синевой настоян,
весело заплакали снега,
их движенье пенное достойно
приняла в объятия река.

Молнией крылатою сверкнули
пыль чужую отряхнув с крыла,
журавли над лабиринтом улиц,
улиц гагаузского села.

У весны неукротимый норов,
бросилась она в крутой галоп,
и галопу радуясь и вторя,
начался стремительно «роп-роп»*.

Отливая синеватым ворсом,
от избытка ароматов пьян,
на верхушки тополей оперся
вечный странник — обложной туман.

И тогда, пробившись сквозь
валежник,
из одной росинки небольшой
вылупился и взлетел подснежник,
птица с удивительной душой.

Птицу эту на лету поймаю,
юности влюбленной — не до сна!—
если в ней от края и до края
колобродит и гудит весна.

* Весенние обрядовые игры молодежи (гагаузск.).

Бросил взгляд: виновато
снег прощается. Тишь.
Снег как мокрая вата.
Каплет с веток и крыш.

У колодца подружки,
щебет — аж до ворот.
И осыплют веснушки
эти лица вот-вот...

ПРЕЛЮДИЯ ВЕСНЫ

Весною солнцу не до смеха,
весной работы — через край.
Лишь в воскресенье звонким эхом
с ним перекликнется алай*.

Последний снег сойдет с дороги,
и кот пройдет у печи,
и замурлычет на пороге,
ловя лукавые лучи.

И будет степью вновь возлюблен
набег весенних ковылей,
и шум дождя, и грома бубен,
весной звучащий веселей.

И день загадки загадает.
И — нараспашку — сам жених! —
веселый ветер заиграет
на крыльях мельниц ветряных.

И там, где таял снег несмело,
где был вчера еще сугроб,
глядишь, и дружно закипела
игра старинная «роп-роп».

И тянет свежестью из сада,
и где-то трактор тарахтит,
еще немного — и лопата
вновь от работы заблестит.

* Живой круг, образуемый зрителями, в центре которого сходятся борцы (гагаузск.).

И раскачаются качели
на радость детям — дёнемеч*,
хозяйка скатерти расстелет
и вынесет на стол гювеч**.

И скрипку первую сыграют
с травинкой в клюве — соловьи,
и ветка задрожит сырая,
и почки распахнет свои.

И все дома в оконный невод
поймают солнце, и, горя,
как кольца девушек, по небу
и по селу пройдет заря.

И белому цветенью яблонь
приснится алый сон невест,
и явь продолжится, и как бы
наполнит все собой окрест.

Потом увидим над полями
коровок божьих перелет.
Петух захлопает крылами,
и аж до свадьбы доживет.

* Качели, устраиваемые на бочке (гагаузск.).

** Глиняная глубокая тарелка (гагаузск.).

ДОРОГОЙ СОН

Куда исчезло нежное родство
и нежный свет, что в доме жил не тая,
с дрожащей ветки взгляда твоего
куда упала радость, облетая?

Вдруг стало душно в тесноте... Так где,
где я, где ты? Где свет бывшего дома?
Ведь даже стены в доме все,— и те...
и те глядят на вещи по-другому.

Во мраке дней и в темноте ночей
я в эйкумену стен вперяю взоры.
Дождусь ли вновь в глазах твоих лучей,
услышу ли бывшие разговоры?!

И вновь колена преклонив, молюсь,
молюсь огню домашнего уюта.
Огнепоклонник — я, но признаюсь
я в этом с грустью скрытой почему-то.

И до утра не сплю, гляжу в окно,
оно огонь рождает постепенно.
Как перед плахой на душе темно,
Но жду тебя коленопреклоненно.

Пусть холод зим рассеивает свет,
мне не страшны с тобой любые беды...
Завистников — и тех растаял след,
Нет никого. И не пойму я, где ты.

Быть может, злой еврем* тебя унес,
когтями впился в душу мою, идол...

* Мифический дракон, крылатый змей (*гагаузск.*).

А может быть, сама ты — вот вопрос! —
мне не простила боли и обиды.

А может просто журавли с собой
тебя в края небесные забрали, —
была ты легкокрылой, молодой,
а женщиной земной была едва ли...

Что жизнь моя? Ей без тебя цена —
полушка, вряд ли нужная кому-то...
Я крикнул «нет!»...

И тут вошла она,
и молвила: «Ты звал меня как будто?..»

НА ЗЕМЛЕ

Вольным ветром в степь твою
ворвусь,
утро разбужу
своим дыханьем,
солнышком взойду,
росой сорвусь,
упаду слезою
в мирозданье.

В зной — дождей угрюмые стада
пригоню,
пускай земля
нальется,
пусть в цветах и травах
та вода
горечью и медом
отзовется.

Я с тобой не разлучусь
вовек,
в ночь зарею поплыву
качаясь,
как язычник,
в наш суровый век
небесам и полю
поклоняясь.

НЕ ЗАБУДЬ...

Милый друг, ты меня не забыла,
да не сходятся наши пути.
Оттого-то и сердце уныло,
оттого-то и тяжело в груди.

Может, просто зима виновата,
может, забнешь ты где-то вдали.
Как тисками душа моя сжата
лютой стужей нездешней земли.

Скоро кончатся наши печали,
отшумит на земле снегопад.
Журавли надо мной прокричали,
значит, скоро у вас прокричат.

Если голос их ласков и звучен,
это голос тревожной любви,
это я здесь разлукой измучен...
Позови же меня, позови!

Если крик их суров и печален,
это сердце тоскует, звеня.
Если в небе одно лишь молчанье,
значит, нет уж на свете меня...

А когда по дороге обратной
журавли мои тронутся в путь,
с неба голос услышу я внятный:
«Милый друг, не забудь, не забудь!»

В тот час, когда передо мной
Ты восходила, как звезда,
Мне вдруг открылся мир земной,
Травы зеленой доброта.

И неба синего печаль,
И боль земли, и бег земли,
И бесконечной жизни даль,
И счастье, ждущее вдали.

И я услышал песнь луны,
Снежинки падающей крик,
И речью плещущей волны
Заговорил со мной родник.

Я увидал, как босиком
Лучи бежали по реке,
Мне внятен стал листвы закон,
Держащей небо на руке.

И мне открылась глубь и высь,
И мир был ясен как роса.
Я понял: зренье — это жизнь,
Я понял: ты — мои глаза.

Мир предо мной, как теплый хлеб,
И я тебя благодарю.
Все говорят: влюбленный слеп,
Влюбленный зряч, я говорю.

БЕЗ ТЕБЯ...

Без тебя
И небо — в тучах,
И огромный город — пуст,
Без тебя дороги круче,
Даже мед горчит на вкус.

Без тебя
И дом — чужбина,
И соседи — чужаки,
Без тебя гора — равнина,
Без тебя моря — пески.

Без тебя
Покой не нужен,
Без тебя
И рай что ад,
Без тебя и летом стужа,
Так что сам себе не рад.

Без тебя живу сурово,
Сердце обручем скрепя,
Без тебя... молчи, ни слова,
Без тебя — как без тебя!

ПЕСНЬ О ВИНОГРАДНЫХ СОЗВЕЗДЬЯХ

Осень в степь выносит ведра,
в ведрах — синяя прохлада.
Исподлобья солнце смотрит
на ковыль, на лютик бодрый,
на шмеля, на ветки сада,
на созвездья винограда.

Сок бунтует, как возмездье,
гроздьтя тяжестью налиты.
Виноградные предместья,
виноградные созвездья,
виноградные орбиты
взору издали открыты.

Золотая осень дарит
россыпи своей души —
переполненный розарий
тыщи роз и сотни зарев!
Ходят трезвые ножи —
ах, как кисти хороши!

На ветру сердечко стынет,
лютый ветер не утих —
слишком рано выпал иней
на долины глаз твоих.

Дни печальные слетелись
к берегам твоих озер,
оттого, что лебедь белый
раскачал крылом простор.

Окольцованный тобою,
вырывался он из рук, —
осень ли тому виною? —
ты узнала боль разлук...

На ветру сердечко стынет,
лютый ветер не утих —
слишком рано выпал иней
на долины глаз твоих.

Ветер, ветер, ветер, ветер —
встреч не жди в такую тьму!
Но когда б тебя не встретил —
опоздал бы к своему
счастью...

Говорила, что небо покрыто льдами,
стиснута ими, тонет заря,
говорила, что звезды замерзли в яме
набитого стужею января.

Говорила: ночь — это страх и ужас,
за каждым днем — притаившийся бес,
вой волка бросает в дрожь тело и душу,
в четырех шагах уж не виден лес.

Говорила... а в теплом уютном сердце
таяли льдины, копилась роса,
касатки с весной возвращались в сенцы,
луна поднимала все паруса.

Рассказчица чудная, говорунья,
мне голову сказкой своей заморочь,
чтоб я уплывал с кораблем новолунья
в далеко-далекую темную ночь...

Среди цветов и птиц, в речной долине
мы слушали с тобою тишину.
Еще сердца свой жар не утолили,
еще палило солнце вышину.

Мы говорили молча без умолку,
а рядом птицы спорили о нас,
и солнце раскаленное надолго
вперило в реку воспаленный глаз.

Я был с тобой, и я с тобою не был.
День был как жизнь, а мог бы стать судьбой.
Все помнится: река, долина, небо.
Цветы на небе. Птицы над тобой.

Край мой полынью всегда был богат,
только не этим приковывал взгляд.

Что ни скажи, а полынь все горька.
Горечь — на время, любовь — на века.

Видишь: полынь полыхает окрест,
только нигде нет прекрасней невест!

Сходятся здесь все дороги, когда
Парни с надеждою едут сюда.

Длиннее стали дни и ночи
на убыль нисходящих лет.
А расставания — короче,
в них боли свет.

Каким наполнен светом вечер
был весь — вблизи или вдали,
и с новым человеком встреча
была открытием земли.

И вновь воскресла к жизни жажда,
и обжигая, и слепя,
как боль, — когда тебя однажды
я встретил, чтоб открыть себя.

УВИДЕЛ ПТИЦУ

Глубокою осенью
птицу увидел,
и тотчас же образ
в сознание возник:
все птицы — на юге,
а эта — в обиде
бросает судьбе,
словно вызов, свой крик.

Кружит в небесах
потерявшая друга,
лежит в камышах
«несчастливый герой», —
здесь звонкая пуля
пропела над лугом,
и эхо откликнулось
в бездне сырой.

Я птицу увидел,
от страха немея,
и образ возник,
как из небытия:
со счастьем расстаться
она не умеет
и кружит над прошлым,
почти что как я.

Берет начало день, как первый день
творенья,

И розовой росой облит недвижный сад.

Он как цветок стоит, теряя оперенье,

Росинки, как плоды, в листве его висят.

Я принесу тебе рассветный сад в ладонях,

И ты стряхнешь росу, как слезы с чистых

глаз.

Какая из ветвей к нам лепесток наклонит,

Который из цветов в тени укроет нас?

ПЕСНЬ СТЕПНОГО ДОЖДЯ

Льют дожди, как на заказ,
растворяя дни.
Ручейки морщин у глаз
и на лбу — они.
Тени птичьих коромысел
на челе в сей час.
Дремлет жизнь и тлеет мысль,
и потухших глаз
не зажжется вновь костер,
если мертв исток
сердца, где водой святой
напоен цветок.

ЗВЕЗДА

Помню знакомство и первые встречи,
Трепет волненья, бессонницы хмель...
Что это было — ответит лишь вечер,
Крик на крови и на сердце метель.

Люди тонули в волне разговоров,
Ты появилась на гребне волны,
Взглядом меня подхватила, который
И до сих пор освещает мне сны.

Мрак и стихия. Воздушность и тело.
Сила незримая — «нет» или «да».
Ярко сверкнула и жарко горела
Над головою твоею звезда.

СНЕГ ИДЕТ

Снег идет, снег идет,
на ресницах тает,
бесконечный хоровод
за сердце хватает.

Как беззвучен этот ход,
это дуновенье...
Снег идет, снег идет
каждое мгновенье.

Нерассеянный ли сон,
или привиденье —
видное со всех сторон
снежное владенье.

То парит, как в антраша,
призывает встретиться,
то печален, как душа,
то от счастья светится,

то проходит в полный рост,
то как в вальсе кружится,
в мириадах зимних звезд
мирозданье рушится.

Снег идет, снег идет,
празднует и тает,
комом горестных забот
к сердцу подступает.

Даже если солнца луч
в синеве пробьется,
все равно он из-за туч
падает, смеется.

Снег идет, снег идет,
словно из-за шторы
с бесконечностью ведет
споры, разговоры.

Слышу, чувствую.. Но вот
боль как будто тает —
снег идет, снег идет,
в синь перетекает.

Ты пришла нежданно,
прямо с жару, с пылу,
и скандал накатанно
в доме учинила.

И былое, прошлое,
разбудила горько,
и обиды пошлые
повторила только.

Ты пришла, и выпало
быть на сердце — боли,
и на раны сыпала,
не жалея, соли.

Не вернуть и в малом —
канувшего в Лету,
как цветам привялым —
молодого цвета.

Наша песня слета,
заросла травой.
Новый взгляд нас где-то
манит за собою...

КОГДА РЯБИНА БАГРОВЕЛА

Пришла, когда октябрь несмело
в костре осеннем догорал,
когда рябина багровела
и виноград хмельной стоял.

И солнце протянуло руки,
и засмеялся вновь родник,
и журавли поплыли к югу,
и дуб склонился и поник.

Пришла, защитница и фея
травы и птицы, и зверья.
И в свете глаз твоих теплее
мне показалась жизнь моя.

Был свет в глаза, была безгрешность,
и нежных рук сомкнулся круг.
Так животворна эта нежность,
что лечит впрямь любой недуг.

Дары такие не измерить,
им не найти цены вовек
и можно лишь в бессмертье вскричать,
где день, как год или как век.

...Пришла, когда октябрь несмело
в костре осеннем догорал,
когда рябина багровела
и виноград хмельной стоял.

НЕБЕСНЫЙ РОДНИК

Что в тебе, милая,
Такое желанное?—
Глаза ли, что небо
Вместили туманное?

Глубин ли немереных
Бездна и тайна,
Иль губ неуверенных
Пламень случайный.

Я выпил однажды
Слезинку родную —
И вот умираю от жажды,
Ревнуя.

И рвусь я, и падаю ниц,
И страдаю,
К слезам родника своего
Припадая.

ДОРОГИ

По дорогам далеким, нелегким,
было время — я шел напролом.
Был негибким, нетонким, неловким,
не свечою горел, а костром.

Ныне кровь уже медленней в жилах
и желанья — в пределах границ,
но — сияние глаз твоих милых,
но — парение утренних птиц!

Как и прежде, пленен я цветеньем,
и, как прежде, душа признает
мир, пронизанный светом и пеньем
и ветрами нездешних высот.

Как и прежде, я женщину славлю,
ибо, травам волшебным под стать,
в дни печали и боли, и травли
приходила она исцелять.

Как смеялась она, как сияла,
сколько в ней сохранилось тепла!
И зимою от стужи спасала,
в зной — водой родниковой была.

Никогда я не знал суеверья,
но уверовал — есть колдовство
в этой нежности женской, в доверье,
что почти переходит в родство.

Так пускай же все знают: как прежде
есть под пеплом — неистовый жар,
есть спасенье в любви и надежде,
в неразгаданном действии чар.

И желаю я женщине лета,
и тепла, вопреки холодам,
как глазам — ненасытного света,
как дождя — одержимым цветам!

ЕСЛИ ХРУСТНЕТ ВЕТКА

Случайно руки протянули ели,
И голуби снегов на них присели.
Небесная искрящаяся даль
Рассыпалась на мрамор и хрусталь.

Снега и звезды, кружево и прах...
Застряла тишь немая на устах.
Лишь одиноко — никуда не деться —
Гудит набат разбуженного сердца.

Оно в тревоге, как бы наши души
Не охладели и не стали глуше,
И от тепла — такой бывает грех! —
Чувств новогодних не подтаял снег.

Тревога — в глубине таежной чаши.
И лес души — в снегах животворящих.
И если где-то ветка тихо хрустнет,
То вздрогнет сердце от внезапной грусти.

Взглянул ты уныло —
я мимо прошла...
Наверное, милый,
любовь отцвела.

Не надо, не надо
кручины в судьбе.
Есть в боли награда —
дорога к себе.

СЛЕПОЕ РОДСТВО

Деревья зимние
в снегу по пояс,
как будто лебеди —
родство слепое.

Лесные жители
людской тропой
идут, скажите им —
родство слепое.

Ты в шапке заячьей
идешь — и звери
отходят в сторону,
в родство не веря...

ДВОЕ

Звезд позолота,
стерлась... И ты —
хмуришься что-то
среди темноты.

Ночь улыбнулась,
свет — напрямик!
Остановилось
время на миг.

Крыша из веток —
тополь и дуб...
Слаще на свете
нет твоих губ.

Дремлешь в покое —
спокойно и мне.
Нас только двое
на этой земле.

Обворожил нас птичий хор
какой-то силой
и приковал навеки взор
к небесной сини.

И, наблюдая птиц полет,
мы обретаем
такне крылья, что высот
не замечаем.

В тот миг так хочется с тобой
душе — проститься
и посмотреть на шар земной
глазами птицы.

О, как на птицу человек
похож бывает,
когда над ним высокий снег
летит, взлетает.

В ребенке виден птичий взор
и, может статься, —
во всех влюбленных — после ссор,
во взоре старца,

в стихах, зачитанных до дыр,
во всем, что — длится...
Каким вы видите наш мир,
каким, о птицы?!

ФЕЯ СЧАСТЬЯ

И в наготе красуется береза,
и вновь над ней звезда ее горит,
и дышат вновь поэзия и проза,
когда зима-художница творит.

Она ли вправду мастер этих линий,
она ли в плоть живой вдохнула дух?
...Я вижу — нежный, осторожный иней
прекрасный абрис покрывает вдруг.

Когда я вижу белизну и снежность
и, взора восхищенного не скрыв,
я вкладываю всю мужскую нежность
в нетерпеливый и земной цорыв,

я весь горю, я полон силы страсти
и ту легенду, словно клад, несу;
я верю, что береза — фея счастья
в таинственном, как наша жизнь, лесу.

МОЯ ЛЮБОВЬ

Может быть, и вы влюблялись,
может быть, и вы любили...
В этом все мы чем-то схожи,
но моя любовь — иная.
У меня она светлее
ярких лун и чистых звезд,
ослепленной, горячее
тыщи пламенных сердец.
Не узреть ее глубин
всех и дна озер небесных,
не достичь ее высот,
не понять ее начало.
У меня любовь нежнее,
бесконечней и прочнее.
У меня любовь — своя,
тем и горд и счастлив я.

Засияет солнце
на ветвях впервые,
серебро вплетая
в косы завитые.

С пятерней пушистой
подкрадется сзади
снег и, как невесту,
елочку нарядит.

Льются звуки свадеб
и сияют кольца,
и звенят деревья
нежно в колокольцы.

И зима-хозяйка
радости не чаает,
этого врачует,
этого встречает...

Холодно. Сварливый
дождик моросит.
Над душой тоскливый
небосвод висит.

Несколько свиданий —
возле родника
и — воспоминаний
длинная река.

Взгляд твой — наказание,
ветерок, укор.
Нежных рук касанье —
трепетный костер.

Вот родник. Вот вечер.
Тот же, да не тот —
К месту нашей встречи
Он не приведет.

ЗВЕРЕК

Затаилась на лице улыбка,
как зверек, молящий небеса:
напугаешь — и на лапах зыбких
убежит за темные леса.

Не дышу, вспугнуть не смею чувства,
забываю собственный каприз.
Милая, чтоб не было так грустно,
оглянись, засмейся, улыбнись...

* * *

Не пощадило, ах, не пощадило
цветы в саду моем,
когда дождило, лило, моросило
холодным летним днем.

Не приютили, ах, не приютили
птиц, зябнущих в саду,
пока деньки сияли и светили
на зимнем холоду.

Испепелило, ах, испепелило
костры в моей груди.
Ты предо мной не проходи уныло,
не проходи...

Счастье ли это?—
Не найден ответ.
Коль с милой в разлуке —
не мил белый свет.
И нету ответа,
и сердце в тоске...
Счастье ли это —
синица в руке?
Печальна родная —
и горестно мне.
Нас соединяет,
как нить, в вышине
единое счастье
единой судьбы
в различных напастях,
в ненастьях любых.
И лучше на свете
совсем не встречаться,
если приходится
разлучаться.

НЕ ГРУСТИ

Подарю тебе наряд,
видишь, как красив
весь в цвету весенний сад,
радуйся, носи!
Украшений дорогих,
лучших на земле —
серебро лесов тугих
в зимнем хрустале,
целый ворох сонных звезд —
поднесу в пути,
только ты не вешай нос,
только не грусти.
И остаток жизни — снег
все покрывший к ночи —
подарю тебе навек,
если ты захочешь.

СТАРИННЫЙ ТОПОЛЬ

Ромашки звезд, вплетенных в косы ночи,
дух терпких трав и — осторожный штрих! —
кустарник, где кузнечики стрекочут,
и — тополь, укрывающий двоих.

Да, горе, да, нарушен здесь обычай:
невенчанные, двое — и в степи!
Рыдает мать, отец молчит, набычась,
в тревоге братья, и никто не спит.

«Позор семье... Распущенность...
Раствление...»

«Приданого не будет молодым!»...
Но шепчет тополь: встаньте на колени! —
И их венчает шелестом своим.

* * *

Руки — это в небе крылья света,
отраженья яркого костра,
исцеляет светоносность эта,
сеет зерна вечного добра.

Держат руки гул полночных улиц,
время и кометы торопя.
Вдруг они уснули и проснулись,
потому что обнял я тебя.

О, девушка, в глазах твоих нездешних
вишни поспели,
а в сердце твоём, в маленькой скворешне
птицы запели.

О, девушка, в твои витые косы
цвет ночи влился.
Кто в полночь задавал тебе вопросы —
тот заблудился.

О, девушка, все не идет на убыль
цвет раскаленный...
Кто целовал когда-то эти губы —
и ныне — опаленный.

ПЕРЕД ТОБОЮ

Перед тобою стелет след
обворожительное солнце,
ему наскучил белый свет,
а от тебя — не оторвется.

Перед тобою море — дев —
встает сегодня на колени,
преследуя тебя везде
кудлатыми хлопками пены.

В глаза запрячется твой,
сыграет нежно в чет и нечет...
Не признается ли в любви,
когда на ушко что-то шепчет?

Лишь двое в солнечной ночи —
гора да я — глядим сурово,
горим без дыма и молчим,
но час придет — и скажем слово.

ДОРОГА

Снег идет с печалью вдовьей
в месяц холодов.
Все не верится, что в доме
нет твоих следов.

Не зовет очаг холодный
к близкому теплу,
не звенит твой голос плотный,
не зовет к столу.

Не дрожит лицо родное
в свете молодом,
не дает душе покоя
опустевший дом.

Шагом в угол от порога
и — наоборот...
Понял я: к себе дорога
от тебя ведет.

Трудно быть необходимым
в чьей-нибудь судьбе.
Но — пути ведут к любимым,
а от них — к себе.

Если вдруг позабудешь однажды
поцелуев слепых череду,
что же станет с цветами,
от жажды
задыхающимися в саду?

Если вдруг отличать перестанешь
добрый свет моих глаз — от чужих,
что увидишь тогда на экране —
в незашторенных окнах своих?

Если вдруг охладеешь к нетленным
поцелуям, сплетениям рук —
у какой же из звезд во Вселенной
ты отыщешь потерянный звук.

Если ты не услышишь молчанье,
что высокому слову сродни,
что же станет с землей, с обещаньем
пережить эти зимние дни?

Если клятвы забудутся наши,
что друг другу шептали во мгле,
что же станет с нами, с горчайшей
нашей правдой на этой земле?

ВЫСОКИЙ ОГОНЬ

К белым твоим рукам,
к молниям синих стрел
я прикоснулся однажды —
и в пламени окаменел.

Глаз моих карие реки
пригвождены к плечам,
солнцем нагим и рассветным
вижу тебя по ночам.

Мысли мои ножами
вонзились в закрытую дверь,
откуда выйдешь сама ты
из прошлого и потерь.

Неутолима жажда
даже у родника,
если огонь высокий
мучает нас века.

Высоким огнем я пытан,
давно я распят, пойми.
Крест накрест легли дороги —
приди же, с креста сними...

ЖЕЛАНИЕ

Как мало нужно мне на этом свете:
Чтоб тишина царила на планете,
Чтобы тайфуны, шквалы и цунами
Не властвовали более над нами,
Чтоб наводнения нас не наводняли,
Чтоб нас пустыни не опустошали,
Чтоб на плече моем, сомкнувши веки,
Спала моя любимая вовеки
И в мирном мире утром просыпалась...
Все это живо в каждом человеке
И, значит, не такая уж и малость.

Цветные сны

ЦВЕТНЫЕ СНЫ

(Утренние раздумья)

На душе тревожно.
Снятся сны дурные,
снятся сны цветные
как-то тяжело:
растревожил плавни
ураган безбожный,
камыши проткнули
тонкое стекло.
Слышу крик и топот,
вижу — кони скачут,
взмыленные кони...
И — развеян сон.
Рассказали люди,
что же это значит:
взмыленные кони
с четырех сторон.
Это значит где-то
вовсе без причины
два моих соседа
ссорились в гостях...
Или может это —
взрослые мужчины
днем не видят света
при плохих вестях.

Как-то беспокойно,
что-то сердце колет,
знать, беда случилась
с кем-нибудь в пути.

Снится — бездорожье,
выжженное поле,
степь горит от жажды,
пламя — впереди.
Может сплетня-врунья,
старая колдунья,
снам подсказкой будет,
разгадает их?
Но на самом деле
рассказали люди:
девушку, сосватав,
бросил вдруг жених.

В мире бед немало
происходит с нами,
в неумном сердце,
в памяти больной...
Что могло случиться? —
снится, что цунами
высями, лесами
к нам идет стеной.

Распластали крылья
волны-великаны,
море хищной птицей
над землей парит,
страшен голос птицы —
чья открылась рана?
Что могло случиться?
Где огонь горит?

Кто-то скажет: дети
потеряли совесть,
матери не пишут
в дальнее село.

Снятся сны недаром,
если жизнь — как повесть,
где реалистично
побеждает зло.

Что-то мне не спится.
На душе тревожно,
на душе печально
от иных вестей.
Засыпаю — снится:
что с горы безбожно
вниз летят камни
на живых людей.
Знать, землетрясение...
Вот слышны рыдания,
вот уже и люди
мне кричат: «Беда!»
Просыпаюсь — вижу
новые страдания:
у могилы деда
не найти следа.
Заросла тропинка
черной трын-травой,
и не ходят внуки
навестить его...
И опять поникнешь
буйной головою,
и опять не скажешь
сердцу ничего.
Вижу: разгулялись
по земле пожары,
тянет гарью вроде,
темен горизонт.
Не успел проснуться —
почтальон приходит,
пишут все газеты,

что война идет.
Ах, недаром сердце
так с утра кололо,
ах, недаром душу
обожгла тоска.
Открываю окна —
слышу птичье соло,
открываю двери —
чтобы на века
надышаться этой
тишиной беззвездной,
насладиться миром
без страстей земных,
земляков скликаю, —
рано или поздно
их увижу снова
в этих снах цветных.

СТРАНА ДЕТСТВА

*Ту страну, где родились мы,
Где растили нас, мы найдем!
Те равнины и те холмы,
Что хранили нас, мы найдем!
Эти речки, где мыли нас,
Где трава цветет, мы найдем!
Край, где грудью кормили нас,
Свой родной народ мы найдем!
Из киргизского эпоса «Манас»*

В степи буджакской есть село Кыргыз — я с детства помню редкостное имя, в нем слышался кнута короткий свист полыни запах, смешанный с другими. Село Кыргыз почти со всех сторон окружено холмами... Знаю тоже — там дед мой скакуна купил, и он обычно первым приходил на коше*. Кыргыз для нас звучало как кырк кыз,** — что солнечно в любое время года: все женщины, там, видно, родились... Я думал, что и мать оттуда родом. ...И ныне есть на свете то село, теперь оно как будто стало краше, там поколение новое взошло, и девушек в нем больше стало даже. «Большое счастье — дружба — для людей, — я говорю, — и детство ей — основа» и мысли косяками лошадей

* Традиционные народные скачки на лошадях (гагаузск.).

** Сорок девушек (гагаузск.).

уносятся к друзьям на Ала-Тоо,
на Иссык-Куль, в аилы, к сердцу гор,
не знающему вечности и часа,
в неповторимый утренний простор,
к акынам и сказителям «Манаса».
Лечу в страну кочевников лихих
и пастухов, и нежных амазонок,
в страну, где бродят белые стихи
и с ними вместе — белый верблюжонок,
в страну, где горы прячут в небесах
заоблачные странные скитанья,
где шырылдан* звучит и на ветрах,
на диких звездах — держит мирозданье.
Я снова повторяю имена
своих друзей и как бы вижу снова:
простерто детство — чудная страна!—
от Буджака до высей Ала-Тоо.

* Пастушья песня (кирг.).

ОДЕЖДЫ НАШИХ МАТЕРЕЙ

Ах, лето, лето — разноцветный дождь,
на шею неба радуга надета! —
как нашим матерям ты не идешь,
что носят платья траурного цвета.

Кто им платки и платья в этот цвет
покрасил, кто им запретил цветное,
какой тиран, в глазах увидев свет,
жизнелюбивым запретил — земное?

В одеждах матерей видна печаль
и слышится тревожный голос птицы, —
вонзился в память он и по ночам
тупую болью в сердце громоздится.

Цвет траура, быть может, это дань
тому, что предок на коне примчался
в страну заката и осилил даль,
но путь назад в просторах затерялся.

Цвет горя. Может, матери хранят
обычай древний в траур облачаться —
когда погибла чуть не вся родня,
в могилах — чада все и домочадцы.

Темницы цвет в одеждах матерей,
не оттого ль, что лучшие сыны
кострами гайдуков взошли над ней
и были все в нее заключены.

Иль, может, это просто дар Лухус
(Лухусы — предсказательницы судеб),
И жизнь они на свой кроили вкус,
и цвет одежд предсказывали людям.

Одежды эти, верно, схожи с тем
священным камнем древнего Кааба,
что воспевали в тысячах поэм
в стране арабов.

Не потому ль к вам тянутся глаза
детей любимых и любимых ваших,
не потому ли и разбить нельзя
страданий уготованную чашу.

...Смотрю я на старушек в черном и
на девочек в коротеньких юбчонках,
и глубже размышления мои
о белом свете и о цвете черном.

ПОЖАР

Как грозно нынче вспыхнула луна —
Пылающее рыжее светило!
Все ярче занимается она,
И зарево полнеба охватило.

Пожар!— Не в теплом гнездышке моем.
Пожар!— Не на земле давно знакомой!
Пожар!— Вдали, в пространстве мировом,
Планета загорелась, как солома.

Так отчего ж волнуюсь я до слез
И бой набата слышу над полями?
Мне страшно, чтобы ветер не занес
С луны на землю бешеное пламя.

Гуди, набат, и пробуждай людей,
Чтоб услышал глухой, прозрел незрячий,
Чтобы луны горячей вздох горячий
Глаза не выжег у земли моей!

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Твердь не небесная, земная — обитель наша,
в ней корни жизни, прах и бытие...
Земля — праматерь, родовая чаша,
и все мы вместе вышли из нее.

Кто был творец? — Кто указал дорогу?
Чей перст был виден или слышен глас?
«Мир ниспошли!» — мы молим у порога,
«Прими!» — мы просим в свой предсмертный
час.

Так что ж за сила в той земле сокрыта,
каким она прельщает волшебством,
коль горсть земли была в бою защитой,
и до Берлина пройден путь пешком.

Есть клич на свете — «За родную землю!»
Он в рукопашных слышен был всегда,
и с той же горстью, горестному внемля,
погибших хоронили мы тогда.

И та же горсть в людей вселяла веру,
вознаграждала хлебом за труды,
все та же горстка этой черной, серой
земли, хватившей лиха и беды.

И не она ли вправду наделила
нас твердостью и крепью, и судьбой?
...В свой час и я к земле приникну, к милой,
и горсть ее возьму навек с собой.

Как пылью Млечного Пути,
 глаза запорошило грустью.
 Зачем, зачем,
 коль впереди
 нет общего для нас пути
 в земном и звездном
 захолустье?

От шума людных площадей
 нас тянет к тишине и дому.
 Зачем, зачем?
 Вдали людей
 взглянуть на прошлое верней,
 на жизнь и вечность —
 по-другому.

Крик журавлей печален, но
 особенно — в осенних безднах.
 Зачем, зачем
 им не дано
 знать, что вернутся все равно
 по зову памяти
 небесной?

На солнце радостно смотреть
 и все же грустно почему-то...
 Зачем, зачем? —
 А чтоб гореть! —
 пришли мы в мир, и значит впредь
 душою отвергаем
 смуту.
 А время, как веретено,
 круги отсчитывает мерно.
 Зачем, зачем

кладем зерно
весною в пашню,
чтоб оно
взошло мучительно
и верно?..

РАЗДУМЬЯ НАД ПИСЬМАМИ

Два письма, две крылатые птицы
нынче почтой ко мне занесло.
Вот от матери, в четверть страницы,
адрес — наше глухое село.

Вот от милой — и почерк знакомый,
и дрожат, как живые, листы...
«Как живешь? Без тебя нелегко мне...
Есть ли деньги? Скупаю. А ты?..»

Пишет матушка горько и строго:
«Я устала уже от тоски,
все гляжу и гляжу на дорогу.
В гости жду. И связала носки.

Ты, наверно, приехать не можешь,
так скажи — я сама прилечу,
как на крыльях...» И далее — строже:
«...только пенсию вот получу...»

«Напиши, что прислать вам...» И точка.
И в глазах покачнулася тьма.
Стало больно и стыдно за то, что
начал чтение с другого письма.

СНИЛОСЬ...

Снилась в росах и радугах
степь полынная, детская...
И как в детстве я радуюсь,
солнцу резкому, дерзкому.

И сбылось — и слеза твоя
на лицо мое капнула,
неземная, внезапная,
растворилась и канула.

Ты рукой своей старческой
осторожно укрыла,
знать, крепка — и достаточно!
материнская сила!

Ты прости меня, родная,
что я гость твой несчастный,
что я часто теряю
это редкое счастье —

быть, как в детстве, беспечным...
что ресницы смыкая,
образ нежный и вечный
в длинный сон продлеваю.

...Засыпаю и снится —
я в степи необъятной,
и полынь, и синицы,
солнца нежные пятна...

НА ДУШЕ СВЕТЛО

М. Губогло

Мы ждем гостей.

И карусель

кружится многолико.

Кружатся в нашем доме все —
от мала до велика.

Уборка, стирка... Звон вокруг,
как будто стало шире
от чистоты крахмальной вдруг
в предпраздничной квартире.

В хрустальных вазах — голубой
прибой цветов осенних,
и стал как будто громче бой
и ход часов настенных.

И с восхищением, как встарь,
вперил свой зор старинный
на стены — бронзовый фонарь,
и осветил картины.

Глядит в окошко детвора
на деревянный мостик,
звонят вопросы: «Не пора?»
«Когда приедут гости?»

И вдруг: «Вон едут, едут вон!»
Качнулся, как на волнах,
И посмотрел на небосклон,
потом на пыль — подсолнух.

Мы ждем гостей! Ворвались в быт
веселье и гулянка.
В одно мгновенье стол накрыт,
как скатерть-самобранка.

Как не встречались мы давно,
десятки раз встречаясь!
Так пусть же медленно на дно
идут крупинки чая.

Мы будем пить душистый чай,
какого лучше нету,
беседу правя невзначай,
веселую беседу;

Она за дружеским столом
идет без суесловья:
— Ну, что, дружище, как твой дом?
Чем занят? Как здоровье?

Я видеть рад тебя, конак*,
пока есть солнце в душах,
припомним детство, глушь, овраг...
начни — я буду слушать.

Поговорим про молотьбу,
про счастье, про несчастье,
как хлеб, разделим мы судьбу,
разделим на две части.

...Спасибо, брат, за этот свет —
в душе, в глазах, в квартире,
за то, что средь обид и бед
есть радость дружбы в мире.

* Гость (гагаузск.).

СОЛНЦЕ

С. Савоскулу

Всходило солнце вдалеке,
восходит — днесь.
Был у меня хороший друг
и ныне — есть.

В недобрый час, когда беда
со всех сторон —
придет и горе пополам
разделит он.

А если ты к нему придешь,
вот — хлеб и соль...
Попросишь часть чего-нибудь,
предложит — всё.

Мы разговоры до утра
легко ведем,
мы постигаем тишину
порой — вдвоем.

Не тяжек мой любой успех
ему — ничуть.
А не везет мне — он легко
укажет путь.

Легко разделит хлеб и соль
и, коль не грех —
плохое в шутку обратит,
и даже — в смех.

Он делит радость или боль,
все — пополам.

Он друг, он — парень в доску свой,—
скажу я вам.

...Восходит солнце. И потом —
летит в закат.

И яблоневого под окном
ветвится сад.

И сколько помню я — всегда
сад впрок:

и алы яблоки — к столу,
и хворост — в костерок.

Всходило солнце вдалеке,
восходит — днесь.

Был у меня хороший друг
и ныне — есть.

ЖЕЛАЮ ДОБРА

О человеке говорят глаза —
души неостекленное зеркало,
судьбы толковник, книга жизни, за
которой света много или мало.

С любимой разлучился — и печаль
в ревнивом взгляде, погляди, не тает,
так журавлей притягивает даль,
так плачут они, если улетают.

Несчастье ядом наливает взгляд,
полынью тянет от степных просторов
души... Ты видишь, без огня горят
глаза — ее иссохшие озера.

Когда светло на сердце, то лучист
веселый взор, нетронутый источник, —
так смотрит мать, так взгляд ребенка чист,
так видит мир влюбленный полуночник.

Тепло в душе — и нежность разлита
в весенних взглядах, в первых поцелуях,
в прикосновеньях влажного листа
и в солнечных свечениях и струях.

У тех, кто любит, взгляд всегда таков,
что лишь костер под стать ему бывает,
и тает, тает, тает сон снегов,
и зимний холод тихо убывает.

С горы высокой мудрости людской
я вглядываюсь в лица и желаю,
чтобы в глазах всегда стоял покой,
степной покой, что без конца и края...

Спасибо, друг, что возродил
на языке своем мой стих,
за то, что жизнь ему продлил,
что не считал трудов своих.

И плоть, и душу многих дум
донес ты людям, не тая,
за то, что не был ты угрюм,
там, где был здоров и весел я.

И ни при чем здесь чудеса,
ты не слова переводил,
ты слышал сердца голоса
и честный хлеб со мной делил.

Благодаря тебе, мой друг,
число друзей моих умножив,
в иных краях простерт мой дух,
мой голос искренний до дрожи.

И приглашают к очагу
меня неведомые люди.
Я эту дружбу берегу,
нерасторжимую по сути.

ЛЕС ДУШИ МОЕЙ

«Ах, лес мой, лес...»
(Из гагаузской народной песни)

Ах лес, мой лес,
души веселый лес,
что пожелтел так,
высох и облез?
Быть может, то —
ветров суровых ток
пронзил
и ранним холодом
обжег,
и певчих птиц
укоротился век,
и в жилах кровь
замедлила
свой бег?
— Тут птицы ни при чем
и холода,
и в жилах кровь течет,
а не вода, —
то сердце обмирает
от тревог
прошедших лет,
непройденных дорог.
Записанное
в книге долговой,
не сделанное —
числится за мной.

Тревожусь
за семью и за родню,
припоминаю
сотни раз на дню:
сын — на распутье,

у дороги — дочь,
мать — в гости ждет,
ждет, всматриваясь в ночь,
чтоб я вернулся
в отчие края,
в степные дни,
где зори бытия
ясны, где небо
так же высоко,
где крепость хлеба,
где душе легко...
Земля и дело
не дают скучать,
жизнь можно смело
сызнова начать, —
работать
и ходить на торжества
рождений или свадеб...
И родства
в себе нести
незримую печать,
здесь можно новый
путь души
начать.
Вон и соседи на меджи
зовут,
и мать грустит,
и даже ивы
ждут...
Ах лес, мой лес,
души веселый лес,
пусть ты поник, померк, —
но не исчез,
ты, переживший
не одну весну,
ты лучше знаешь

эту тишину —
пред тем,
как зеленеют деревья
и нежная
мятежная трава
зовет в объятья,
вся в тоске
немой —
и птицы возвращаются
домой.

ЦВЕТЫ И ЛЮДИ

На полях цветы с рассвета
Собирают мед в ладонях
И ладони подставляют
Пчелам, вянущим от жажды.

Ну, а те, кто поскупее,
Не протянут ж пчелам руки,
Значит, это пустоцветы,
Одинокие и злые.

Кто из нас в добре не властен,
Кто из нас богатством беден?
Все мы нежностью богаты,
Да не все дарить умеем.

Оглянись, скупец и скаред,
На цветы в медовом поле.
Будь цветком — не пустоцветом:
Одиночество — постыдно.

КОСТРЫ ЖИЗНИ

На древнем очаге
праматери-земли
горят костры
неповторимой жизни,
как будто маки
в пламени взошли
и на заре застыли
в укоризне.
Горят костры
то ярче, то слабей,
и дуют ветры вечности
на угли,
костры не гаснут,
хоть водой залей,
хоть кажется,
что искорки
потухли.
На древней карусели
круговерть —
в такт со Вселенной
дни летят живые,
и бьется пульс,
и отступает омерть
в людские будни,
в праздники людские.
...Не тот огонь ли
Прометей украл?
Не ту ли вечность
в нашу грудь вложили?
Горят костры
и плавится металл
в горячем тигле
жил и сухожилий.
На древнем очаге

праматери-земли
горят костры
все жарче и живее.

...Ты помнишь, здесь
влюбленные прошли,
и даже отсвет
виден был вдали,
бессмертный отсвет
жизни Прометея.

СЛОВО О ЗЕРНЕ

Зерно сохранили века-исполины,
его не коснулась забвения тень.
Оно уходило корнями в глубины,
а колосками — в сегодняшний день.

Жизнь его — год, и на жизненном древе
столько кругов, сколько прожито лет.
Сходит во тьму оно тихо при севе
и прорастает из мрака на свет.

Зернышко — гость и звенящая лира
жизни, и голос вселенских морей,
микромодель неподъемного мира —
тихо дрожит на ладони моей.

Сколько веков или тысячелетий
жизнь закаляется в этом огне,
вечности схема заложена в смерти,
в жизни заложена этой — вдвойне.

...Время текло, пролетало, сгорало.
Падая, звезды ломали крыла,
чо мириады миров побеждала
эта крупица, жила и жила,

в вечности празднуя праздник
рождения,
снова на свет прорастала, слепя,
и погибала — и в новом растеньице
новым зерном продолжала себя.

Это зерно, это зернышко — связка
в длинной цепи, в вековой череде

жизни и смерти, оно — как подсказка
вечности, голос, что слышен везде.

Голос, огромней Земли или Неба,
в трех измереньях Вселенная, и
хлеб наш насущный, и жизнь наша —
знаем ли мы все наитья твои?
в хлебе,

Древний народ мой хранит и поныне,
в землю влюбленный, в живое зерно,
этот обычай — беречь, как святыню,
каждую крошку, склоняясь земно.

Вот философия жизни сквозная,
жесткая схема Вселенной самой:
я — есть зерно в колошеньи и знаю:
в землю уйдя, прорасту вновь весной.

ГИМН МАТЕРИНСКИМ РУКАМ

Сколько сложено гимнов рукам материнским,
что не знали спокойствия в доле земной,
в доле той, что вела их детей к обелискам
да при встрече стояла у них за спиной.

Эти руки — как степь, раскаленная летом, —
были милой земле пересохшей сродни,
но живую зарю возносили при этом
и свой солнечный хлеб выпекали они.

Эти руки от многих забот огрубели,
были вены их словно сплетения рек,
но зато как качали они колыбели
и язык доброты сохраняли навек!

Эти руки, с землей породненные, знали
цену боли и цену печали земной,
от беды и усталости нас исцеляли,
отделяли от страха железной стеной.

...В непослушную прядь седина протекает —
сколько сил невозвратных исчезло во мгле!
Но тепло этих рук материнских не тает,
руки — гимн этой жизни и этой земле.

ГОЛОСА ДУШИ

«Mes voix»*

(Жанна Д'Арк)

С тех пор, как осознал
родство с землею,
я слышу голоса
ее души
и на ее вопросы
отвечаю.
— Кто ты?
Зачем явился в мир подлунный?—
спросило утро.
И ответил...
— Во имя дня родился я,
во имя
того, чтоб дверь в грядущее
открыть...
Спросил отец:
— Ты помнишь, сын мой, кто ты?—
И я ответил:
— В жилах чую кровь
моих далеких незабытых предков,
святые узы кровного родства...
Вопрос в глазах у матери
увидел:
— Чем озабочен? Что душа болит?
И ей ответил:
— Я тоскую, мама,
я думаю ночами о тебе...
— Чем жив ты?—брат спросил.
И я ответил:
— Лишь крепостью суровой
братской дружбы,

* Мои голоса (франц.).

лишь тем, что в жилах кровь, а не вода.
Сестре ответил на вопрос похожий:
— Спасает душу только доброта.
Соседу я ответил просто делом,—
пришел
и помощь предложил свою.
Когда ж с вопросом обратился путник,
сказал,
что буду спутником ему,
и обещал в дороге дальней
дружбу.
Любимой я признался,
что люблю.
— Зачем пришел?
— Затем, что послан богом...
А незнакомцу —
руку протянул,
а другу детства —
все воспоминанья.
...Навстречу мне попалась
птица:
— Кто ты?
— Я тоже птица, я окреп крылами.
И за тобою скоро полечу.
Врагу сказал,
что прибыл для расплаты,
ответил, что душа горит,
что прибыл
к раскатам грома битвы роковой.
— Зачем пришел?—
пропела тонко пуля,
дорогу свистом перегородив.
— Пришел на зов
земли непокоренной,
земли родной,—
ответил я,

и боль
вошла мне в сердце
и сама спросила:
— Ты звал?
— Не звал. Но мне покоя нет.
Ты уходи. Болеть я не намерен...
И так весь век
я говорю с Землею,
беседую и спорю,
отвечая
на этот самый роковой вопрос...
— Ты кто? Ты чей?
— Я сын отца родного.
— Твой возраст?
— Вековая память рода.
— А какво от матери наследство?
— В наследство — сердце!
И вновь услышал голос,
глас народа:
— Откликнись, если ты имеешь слово!
— Есть Слово у меня, живое слово.
— Найди звезду.
Но и звезда есть тоже.
— Тогда гори.
— Я этим и живу!

В этом море
 я — всего лишь капля,
 лишь в цепи —
 надежное звено,
 струйка пота общего, —
 не так ли,
 колос, что клонится заодно
 с общей нивой:
 этим общим светом
 связан я,
 его веселый луч,
 и дождинка малая при этом,
 та, какую в засуху у туч
 молит день:
 а на дороге правды —
 я один из самых боевых
 птиц защитник, и цветов, и прав их,
 боли врач и горестей земных.
 В колесе людских печалей —
 спица,
 для друзей — опора и плечо.
 Зря ночами
 матушке не спится,
 сын ее не постарел еще!
 Злейший враг
 недоброго на свете,
 для любимой —
 белый свет и ширь,
 для дочурки —
 небосвод и ветер,
 а для сына —
 древний богатырь...
 Для степи родной — один из многих
 сыновей — на вековой дороге...

Узоры

НАДПИСИ НА СВАДЕБНЫХ ПОЛОТЕНЦАХ

В старину бытовал обычай, согласно которому часть приданого к свадьбе заготавливали сами девушки. По приданому судили об умении невесты ткать, вязать, вышивать и т. д. Это искусство передавалось из поколения в поколение. Навыки эти прививали девочкам с детства. Для свадьбы ткали ковры, половики, покрывала, налawnики, полотенца, ткани для одежды. На полотенцах принято было вышивать текст, вкладывая в него определенный смысл. Он содержал пожелание девушки. Текст мог быть рифмованным или нет, но отличался лаконичностью, отражал крестьянскую мораль, отношение к любви, к семейной жизни.

* * *

Демирь, Зюмбюль — любовь большая,
ей не видать конца и края.

* * *

Моя любовь в твоём оконце
нежна, как утреннее солнце.

* * *

С тобою, милый, навсегда
мой — и радость, и беда.

* * *

Милый, на стреху взгляни —
лед, и тот на солнце тает.

* * *

Встречай с улыбкой, милый,
и называй — любимой.

* * *

Береги любовь и честь,
любишь — жизнь не надоест.

* * *

В чужих глазах — чужие судьбы.
Читать — не грех. Не утонуть бы!

* * *

С голубкой голубь — на свиданьи,
жизнь без любви — одни страданья.

* * *

И невесту, и цветок
береги — не то завянут.

* * *

Жених ведет невесту, и —
в саду запели соловьи.

* * *

Не зарься на чужое,
свое — побереги.

* * *

Когда горишь святым огнем — гори,
но милую цветами одари!

* * *

Запомни: козь посеял ложь,
то непременно ложь пожнешь.

* * *

Сбережешь любовь свою —
сохранишь свою семью.

* * *

Уж козь привел невесту в дом,
не смей и думать о худом.

* * *

Влюблен — веди невесту в дом,
но клятву дай ей прежде в том.

* * *

Цветы — невесте лучший дар,
отдарок — мед любви, нектар.

* * *

Любовь возлюбленной цени,
женись, мой милый, не тяни.

* * *

Люби и день, и ночь, и год,
и жизнь — поймешь, как сладок мед.

* * *

По рисунку тки ковер,
выбирай жену — по вкусу.

* * *

Пойдет ли под венец невеста —
все по лицу ее известно.

* * *

Советы слушай, примеряй,
но сам невесту выбирай.

* * *

Жених с невестой — им навстречу
вы с калачом и мудрой речью.

* * *

Как за цветком, ухаживай за мной,
ухаживай, как за цветком домашним.

* * *

В любви есть радость, есть мечтанья,
но также есть и испытанья.

* * *

Выставишь на свадьбу ястыки*—
приутихнут злые языки.

* * *

Не зарься на приданое, на тестя,
а лучше погляди в лицо невесте.

* * *

Солгать своей любимой не хочу,
среди многих птиц ее я различу.

* * *

Любовь,— и только!—
за любовь — награда.

* * *

К тебе придет навек — любимой,
к родителям — навек невесткой.

* Неотъемлемый атрибут свадьбы, ритуальная подушка, на которую сажают молодоженов (гагаузск.).

* * *

Не будь суровым, муженек,
взгляни на солнечный денек.

* * *

Издалека невестушка пришла —
и первый дождь прошелся вдоль села.

* * *

Не — во сколько лет женился,
а — на сколько лет женился.

* * *

Как-никак — своя, мила,
да и ростом подошла.

* * *

Пришла невестушка с любовью —
ее встречайте хлебом-солью.

* * *

Невесту привезли в село —
и в доме солнышко взошло.

ОЖЕРЕЛЬЯ ЗИМЫ

(маами)

Кругом снега, снега вокруг снегов,
И тишина, как звон колоколов.
Гарцует в поле белый конь зимы,
Даль оглашая цокотом подков.

* * *

Голуби снижаются, кружат,
Сквозь окно морозное глядят,
Всем благополучия желают,
В клюве живо сурваки дрожат.

* * *

Снег от избытка света пьян.
Как нежен и как тонок стан,
Как высока твоя любовь —
На лбу предсвадебный гердан*.

* * *

Аксакалу — времени снега
Бороду посеребрят слегка,
Жемчуга-слова его оденут
В мудрость, пережившую века.

* * *

Белый снег неудержимо
Страсть несет к огню без дыма.
Нам дана такая ж доля —
Быть в объятиях любимой.

* Медальон (гагаузск.).

* * *

Снег и солнце, снег и степь,—
Только выучиться мне б
Ткать из снега полотенце,
Выпекать из солнца хлеб.

* * *

Ночи — сказки, ночи — гимны,
Звезды — как глаза любимых,
Смотрят парни удивленно,
Заколдованные ими.

* * *

Мир устроен мудро, нежно,
Удивляет неизбежно,
Что берет у снега силы
Голубой цветок — подснежник.

* * *

Невестам юноши подносят
Ветвей заснеженные розы,
И я об этом почему-то
Подумал с завистью сквозь слезы.

* * *

Светлый полдень. Снежинки с утра
Разгорелись, как угли костра.
С неба звезды на землю упали,
Но и в небе полно серебра.

* * *

Я услышал странный голос в роще,
Проще тишины и птицы проще,—
Это снегом талая река
Голубое горлышко полощет.

* * *

Не бывают, как хотите,
Белыми — снежинок нити.
Словно радуга, они —
Глянешь — взора не насытишь.

* * *

До чего прекрасно в чаще!
В городе — совсем иначе.
Восхищаюсь тишиною,
Даже мыслью стал богаче.

* * *

Склонила голову сосна,
С людьми беседует она.
А после, отдохнув, лопатой
Бросает снег по сторонам.

* * *

Алвицами* перед закатом
Сосульки кажутся ребятам.

* Леденцы домашнего изготовления, нуга. (гагаузск.).

Зима-купчиха продает их,
Не требуя за это платы.

* * *

Так похожи на птиц — в снегопад
Деревя, что у дома стоят.
Не тревожьте их царство покоя,
А не то они в небо взлетят.

* * *

Сосны — невесты в венцах снеговых,
Луг — словно сито с мукой — среди них.
Спрятано, скрыто кольцо золотое*,
Да, кто найдет его, тот и жених.

* * *

Холм заснеженный, седой.
Звезды светят над рекой,
Словно свечи поминальные
В ночь — в посудине с мукой**.

* * *

Снег кружит, спешит зима,
Наполняя закрома,
Чтобы всем еды досталось,
И мышонку — задарма.

* Согласно обычаю в муку для ритуального свадебного теста прятали кольцо невесты, которое она должна была найти.

** Согласно народным обычаям, на похоронах принято свечи втыкать в посуду с мукой.

* * *

Кто сказал, что нет цветов?
Расцвела сирень снегов.
День морозный. И под солнцем
Для тебя букет готов.

* * *

Идет весна по льдине тонкой
Под синей сенью жаворонка.
Проталины глядят наивно
Глазами чистого ребенка.

* * *

Лежат сугробы на боку,
На древе, сваленном в пургу.
Мне показалось — медвежата
Резвятся, тешатся в снегу.

* * *

Солнце знает дело ныне,
Дарит зелень, дарит иней,
Протянув лучи, как руки,
Сажены растит в пустыне.

* * *

Солнце с головы до пят
Осыпает зимний сад,
Спрашивает, не пора ли
Квочке выводить цыплят.

* * *

Снег сиренью мокрой падал,
Солнце закрывал от взгляда.
Но прищуришь глаз и видишь
Вновь источник света рядом.

* * *

Над холодом снега раскинулась зелень,
Ровесницы осени — взрослые ели,
Березы, как белые молнии, стынут
На грани весны, на задворках метели.

* * *

Синь рукою января
Рассыпается не зря.
Вот берут откуда краски
Океаны и моря.

* * *

Как мертвая пустыня — снег,
Воды ни капли, как на грех.
Но под снегами жизнь бурлит,
Уже шумит травы набег.

* * *

Наполнила зима сполна
Мешки — ах, как щедра она!
И мне досталось несомненно —
Как снег глава убелена.

* * *

Вырван дуб. Как ветер груб!
Ноет сердце неспроста.
Было больно. Полегчало:
Рядом вижу юный дуб.

* * *

Пусть старо и сучковато,—
Зеленью душа богата!—
Это дерево не прячет
Раны старого солдата.

* * *

Зима прекрасна, как наряд
Невесты — люди говорят,
Одежда — снег, заря — венок,
Лучи, как мишура, горят.

Мои голоса

СНЫ СЕТУНИ

(поэма)

Положило в изголовье
кочевые облака
голубое Подмосковье,
Сетунь — древняя река
распахнула сон, как двери,
расстелила, как в избе,
жаркие павлиньи перья
и рассказы о себе.
Сетунь — чудная светлица,
ель, зеленое плечо,—
шумный свет на дне толпится,
дышат воды горячо.
Не твоя ли это проседь,
Сетунь, белая река?
Как ты падаешь с откоса
в допотопные века!
...По-над речкою туманы,
наливаясь тишиной,
бродят в сером одеянье,
будто призрак, дух лесной.
Сетунь, гром на крутоярах,
время сердцу отдых дать.
На виду ветров поджарых
сила, красоте под стать.
Приложите к струям ухо —
и тотчас со всех сторон
вашего коснется слуха

ожиданья долгий звон.
Звезды задрожат, как нити,
поглядят из-под руки...
Мимо Сетуни не мчитесь,
хоть на миг остановитесь
и взгляните в глубь реки.
...Изумруды, малахиты,—
притаилось где-то дно...
Сколько красоты сокрыто,
сколько тайн погребено!

* * *

Снег страдает белокровьем,
снег бросают облака.
Подмосковье, Подмосковье,
Сетунь, снежная река.
Снег все гуще, гуще, гуще,
Сны закрыты на засов.
Сетунь, мчишь ты в день грядущий
из глухой дали веков.
Старина твоя хранила
золотые сундуки,—
там, под сизой толщей ила,
маловерам вопреки.
По волнам твоим дородным,
придетым в синь и медь,
как по сходням пароходным
ветер шел в поля свистеть.
Шел, дыша скуластой новью
на все стороны страны.
Сетунь, речка Подмосковья,
на лице — следы волны.
Расширяются границы,
вязы перьями скрипят.

как монахи-летописцы
в черном с головы до пят.

* * *

Подмосковье, Подмосковье,
Сетунь — чудная река.
Бросишь взгляд — кругом снега,
тонет в серебре нога,
пышет все кругом здоровьем.
То ли правда, то ль прибаска,
дни и ночи напролет
Сетунь, северная сказка,
палицей по льдинам бьет.
Бьет налево и направо,
и гудит густая мгла
за высокою дубравой,
как церковью колокола.
Гул далекий слышен еле,
словно голос ветерка,
заплутавшего в метели
и упавшего в века.
Белый снег по голубому —
Сетунь, хрупкое литье! —
Спят деревья, в полудреме
обступившие ее.
Спят деревья фантастично,
память очень глубока.
Снится сон, и необычный —
многоводная река.
Снится голубая Сетунь,
неизбывная вода,
и по ней толкает ветер
острогрудые суда.

Катит Сетунь вал за валом,
развернулись паруса,
словно думы о бывалом,
или — древние леса.
Языков не счесть и флагов —
торг на славу удался,
угощают сбитнем, брагой,
предлагают все и вся.
Хвастают парчой и хною,
жаркой мастью жеребца.
Ярмарка трясет серьгою
самаркандского купца.
Мед рассыпчатый и хрупкий,
не для красного словца,
девушка идет с покупкой —
есть товар для молодца!
Щедрой радугой сияет
чешуя у сазана,
чай китайский, расстеган —
ай, да были времена!
Жить бы, жить, не горевать,
да судьбы не угадать.
Пронеслись сквозь небеса
вероломства голоса.

* * *

Подмосковье, Подмосковье,
Сетунь — красная река.
Пропитались травы — кровью,
алым дымом — облака.
Сколько раз и в коем веке,
налетев со всех сторон,
воронье чернило реки,
закрывало небосклон.
Мать рыдает, дождик плачет,

дождик капает с ресниц,—
это значит, это значит
злему горю нет границ.
Сетушь в те года крутые
вдоль посадских теремов
слышала коней Батя,
грохот кованых подков
и мычание коровье,
тощий рев березняка...
Подмосковье, Подмосковье,
Сетушь — черная река.
Небо встало на колени,
истребляет листья тля,
ангел долгого терпенья
жалко смотрит на поля.
Но встает народ бесстрашно
в том отчаянном бою,
в штыковой и рукопашной,
защищая Русь свою.
...Здесь нашла врага расплата,
кости вьюга занесла.
Плачут ливни и закаты,
сизым пеплом дышит мгла.

СТЕПНАЯ БАЛЛАДА

Ялпуг,
Кагул —
негромкие озера,
вы смотрите
глазами Буджака
на бусы рос,
оплавленные зори,
набухшие сиренью
облака.
Где ваше лебединое
начало?
Наверно, в снах
и синеве небес. —
Бьют волны
о пустынные причалы,
бросаясь тишине наперерез.
Вздыхает степь,
и ветер — непрерывен,
кабан грызет камыш,
крадется к солнцу —
луг.
Отдали силу
молодые ливни,
чтоб пел Кагул
и говорил Ялпуг.
Скажите,
ваши где лежат истоки,
откуда вы берете
синий гул,
куда несется выдох одинокий? —
Молчит Ялпуг,
безмолвствует Кагул.
Лишь вдоль дорог
и окоемной ленты,

травы
перебирая малахит,
об этом
изначальная легенда
устаи человека говорит.

В этот край мы пришли
издалёка,
путь наш долог был
и тяжёл.
Не припомнит дороги
сокол, —
и не вспомнит —
степной орёл.
Не найдёт быстрокрылый
лебедь,
только помнит языческий бог
да ночное высокое небо —
отражение тех дорог.

Небо —
звездною данью богато,
как трава,
прошумели года.
Те края,
где мы жили когда-то,
скрыл от нас горизонт
навсегда.
След кочевий,
гортанные речи,
и пад всем этим —
звезды — в ряд! —
будто бы поминальные свечи
над могилами предков
горят.

На трудном перевале,
за далью лет, в былом
мы Млечный Путь назвали
Соломенным Путем.
Саман-Йолу* — на месте!
А над тропой судьбы —
знакомое созвездье
Большой Арбы**,
Пылит арба с волами,
где впереди зари
волк длинными прыжками
тропу торит.

Кючюк Арба*** трясется,
дрожит Керван-Кыран****,
как рябь на дне колодца,
как голубой туман.
Все это — древний эпос
смертей, рождений, тризи...
Смотрю в ночное небо —
земную вижу жизнь.

По дороге, покрытой соломой,
за державной Звездой Чабана*****
предок мой удалялся
от дома,
где росла и цвела
тишина.
Далеко до степного колодца

* Млечный Путь (*гагаузск.*).

** Большая Медведица (*гагаузск.*).

*** Малая Медведица (*гагаузск.*).

**** Полярная Звезда (*гагаузск.*).

***** Венера (*гагаузск.*).

зной горчит,
ниспадает жара.
Не спасает папаха от солнца,
губы — будто сухая кора.
Полдень мутный, полынный —
в разгаре,
бесконечен тревожный путь,
хоть папаху бы снял ты, старец,
и присел на часок
отдохнуть...

Пот — ручьем,
распластались корни.
Неизвестность. В душе — тоска.
Небо, кажется, стало черным,
но не сходит с пути
аксакал.
Сердце чувствует где-то приливы,
всем смертям и страданьям
назло, —
вот озера —
ах, как красиво
неизменное их стекло!

Встрепенулся при мысли мудрой
и на небо снова взглянул...
Тают звезды. Светает. Утро.
Предо мною — Ялпуг и Кагул.
Степь простерла свои ладони,
и припала к воде тропа.
...Есть поверье: на небосклоне
дышит родина и судьба.

ЗЕМНЫЕ ГОЛОСА

(поэма)

Облетая свои владенья,
за края облаков ушел
высоко-высоко в поднебесье
зоркоглазый степной орел.
Круг за кругом,
черта за чертою,
над становьем гудящих сел —
есть поверье,
что воду ищет
в поднебесье степной орел.
А под крыльями —
дышит зноем
степь, и ярк полдневный лик.
Может, здесь голубой струною
прозвенит
молодой родник,
у какого бы людям пелось
о воскресшем, далеком, былом...
Кружит птица, запоминая
все, что видится под крылом.
Высоко-высоко в поднебесье,
там, где легкие облака,
птичья память перебирает
всю историю Буджака,
неокрепший песок и курганы,
своенравную дикую тишь,
краски медных, тугих закатов
и проросший сквозь них камыш.
Кружит, кружит орел, приглашая
ввысь,
в пушистые облака,
где видны далеко-далеко

судьбы края, былые века.
И как будто в старинной сказке
сквозь отчаянный птичий грай,
я лечу
на ковре-самолете,
облетая родимый край.
Ускоряя пространство и время,
стуком сердца
и взмахом крыла,
я лечу широко и вольно
на спине степного орла.
Круг за кругом,
черта за чертою,
прорезая крылом облака,
он уносит меня в легенды
и в суровую быль Буджака.

Первый голос

Степь — барабан,
а солнце — чампара*.
Во весь свой рост
стоймя стоит жара.
Как будто печь,
накалена земля,
горит трава
и стонут тополя...
Мираж плывет
из глубины степи —
вдоль горизонта
облака слепы.

* Перекати-поле (*гагаузск.*).

Песок нагретый
под подошвой льется —
как беспощадно
и как яро солнце!
Оранжевые валунов тела
накалены почти что добела.
Сочится зной,
как кровь через порез...
Крутых ветров — нашествие,
И здесь...
затеряны почти
в песках — следы,
и все вокруг
кричит: «Воды! Воды!»
Слезу роняет
каменный балбал,
что столько лет в руках
сосуд держал.
В округе — ни души,
от зноя пьян,
бежит трусливо
по пескам чорлан*.
Со всех сторон —
жары девятый вал.
Катящийся чорлан.
Песок. Балбал.

Орел

Слышу голос
сквозь времени сизую даль.
Ты, Земля, окликаешь, зовешь
не меня ль?

* Перекати-поле (*гагаузск.*)

Земля

Глубоки мои раны,
на усталых ладонях —
мозоли.
Мою влагу —
последний мой выдох и вздох —
выпьет ветер сухой,
и оденется поле
в мимолетный чорлан
и голодный чертополох.
...Ветер досуха
травы шершавые вытер,
их слабеющий голос
я слышу: «Спасите!»

Орел

Человека увидел —
он долго бежал.
Обессилел. Упал.
На коленях стоял.
И просил он у бога,
у последней черты
в этот миг хоть немного,
хоть каплю — воды...

Летописец

В самом центре зари,
где рождаются ветра,
возвышается чудо —
живая гора.

Засияла звезда,
синевою пыля.
Раскололась гора,
содрогнулась земля.
И вступил на нее
человек-великан,
сын великой Горы —
легендарный Оглан.

Оглан

«Утро доброе, люди!—
вы позвали меня
из далекой легенды.
Я пришел к вам, родня!
Мы не можем расстаться
с той надеждой большой,
жившей в шуме акаций,
в каждой капле живой.
Встаньте, люди, расправьте
плечи, гляньте в глаза —
хлынут новые травы,
вспыхнет снова роса.
Ах, какое приволье,
чудеса, волшебство!
Люди, выйдите в поле
и вспашите его.
В колыбель вековую
положите зерно,
как надежду живую,—
возродится оно!»

Летописец

И слышали Оглана
люди, степь и небеса.
Дух воспрял. Сошли туманы,
засияли спозаранок
снова — лица и глаза.
Крепче стали голоса.

Голос первый

Сын Горы — Оглан явился,
чтоб спасти, заблудших, нас.

Голос второй

Сын Горы — Оглан явился,
пробил счастья звездный час.

Орел

Плуги, бороны — повсюду,
на возах — мешки с зерном.
В поле — шумно, в поле люди,
как на празднике большом.
И, блюститель всех обрядов,
старец речь свою сказал,
выбрал дерево из сада,
нитью красной повязал.
Чтоб зерно поспело к сроку,
он, уверовавший в крепь,

— В добрый путь! — промолвил,
— с богом! —
И пошла работать стель...

Голос первый

От зари и до зари —
пугари все, пугари.
Засевает нашии пот,
правду говорит народ:
вода —
 с озера,
 с реки,
а насущный хлеб — с руки.

Летописец

Друг за другом,
круг за кругом...
Сам Оглан
идет за плугом.
Шесть волов
запряг Оглан,
легендарный великан.
Синь рогами задевают,
широко волы шагают,
солнца сила
проливная
на рогах крутых
играет.

...Легче сна,
и легковесней
яви —
праздничные песни,
песни самобытных правил...
Первый плуг
Оглан возглавил.
Сын Горы — Оглан
бесстрашен.
Под ногами —
ленты пашен,
мягко борозды легли,
опьяняет дух земли.

Орел

Но прежде чем
поля зерном засеять,
на борозду ступает
мудрый старец.
В руках тяжелых — хлеб.
Как лекарь деревенский,
он пульс нащупал
у молчащей пашни.
По борозде,
как солнце, покатился
чорек —
хлеб круглый
утреннего теста.
«На славу, —
произнес седоголовый старец, —
быть урожайным лето обещает!
С богатой снедью,
как в былые годы...»

Хлеб надломил,
раздал всем по кусочку,
и грянул сев —
от края и до края!

Голос второй

Может, чудо творить умеет
сын Горы — исполин Оглан,
или старец, седой провидец,
кому жребий особый дан,
или, может, сама природа,
перепутавшая пути?—
После долгой сухой погоды
наконец-то пошли дожди...

Орел

...И вспомнили землю дожди,
и в досталь ее напоили,
когда приоткрылись пути,
пути, что в законе и силе.
Степь вымыта жаркой слезой,
скупой и соленой, по сути.
Как кружится жизнь — колесо,
а с ним — мирозданье и люди!
Как слушают старца рассказ
при розовом утреннем свете
о сыне Горы — без прикрас!—
простые крестьянские дети.
Мчит всадник,
врезаясь в ветра,

душой обнимая усадьбы,
в руке его —
фляга, чотра, —
он всех приглашает на свадьбу!

Голос первый

От зари и до зари —
косари все, косари...
Засевает поле пот,
правду говорит народ:
вода —
с озера,
с реки,
а насущный хлеб — с руки.

Летописец

Облетая свои владенья,
за края облаков ушел
высоко-высоко в поднебесье
зоркоглазый степной орел.
Высоко-высоко в поднебесье,
там, где легкие облака,
птичья память перебирает
всю историю Буджака,
неокрепший песок и курганы,
своейравную дикую тишь,
краски медных, тугих зкатов
и проросший сквозь них камыш.
Кружит, кружит орел,
приглашая ввысь,

в пушистые облака,
где видны далеко-далеко
судьбы края, бывшие века...

СТАРИННЫЕ КЛЯТВЫ

Клятва пахаря

Если землю любить я не буду
И в любви своей буду не слеп,
За волами ходить я забуду,
И за плугом ходить я забуду —
Пусть тотчас же уььет меня Хлеб!

Клятва воина

Если враг мою спину увидит
В час, когда наступает гроза,
Если Родина трусость увидит
И суровой пощадой обидит —
Пусть меня поразят небеса!

Клятва сына

Если Родину, кровное дело,
Я покину, скуля и юля,
Отрекаясь от матери,—
Смело

В смертный час мое мертвое тело
Пусть не примет родная земля!

Клятва гайдука

Если веру в мечту потеряю
И свобода исчезнет моя,—
Отрекусь от нее, не сгорая,—
Пусть ослепну от этого я!

Клятва разлученного

Любовь сладка или горька,
Как мед или полынь.
Любовь украли — и река
Вдруг потеряла синь.
Была любовь всего одна,
Другой уж не найти...
Пусть разлучившему она
Запутает пути!
И пусть беспамятство врагу
Остудит прежний пыл,
Чтоб он к родному очагу
Дорогу позабыл.

Клятва гостеприимства

Если будешь скупым в угощенье,
Сироте не протянешь куска,
Если страннику из родника
Ты напиток не дашь, то прощенья

Не видать тебе наверняка.
Будет ливень, звенящий, как сабля,
Или дождь, морозящий вдали,—
Ни одна одинокая капля
Пусть твоей не коснется земли!

Клятва летописца

Если я не судьбою народа
Буду жить, если боль не пойму
Человека, земли и природы
И упавшего не подниму,
Если явится праздности ради
Или ради корысти строка,
Если слово послужит неправде —
Пусть навеки отсохнет рука!

СОДЕРЖАНИЕ

С. Иванов. Вступительное слово

СТЕПНОЕ ЭХО

Пески. <i>Перевел А. Бродский</i>	4
Новый день. <i>Перевел Б. Примеров</i>	5
Земля. <i>Перевел Б. Примеров</i>	7
Эхо степи. <i>Перевел Б. Примеров</i>	8
Ответ туркменскому другу. <i>Перевел В. Чудин</i>	9
«Время меняет лицо Буджака...» <i>Перевела Н. Кондакова</i>	11
Вечное. <i>Перевела Н. Кондакова</i>	12
Слово. <i>Перевела Н. Кондакова</i>	13
Струны. <i>Перевел Б. Примеров</i>	15
Росы горячие. <i>Перевел Б. Примеров</i>	17
«Родина вручила лист бумаги...» <i>Перевела Н. Кондакова</i>	18
«Нам выпало немало испытаний...» <i>Перевела Н. Кондакова</i>	19
«Стремиться до исхода дней...» <i>Перевела Н. Кондакова</i>	20
Степной родник. <i>Перевела Н. Кондакова</i>	21
У очага детства. <i>Перевела Н. Кондакова</i>	22
«Время четки лет перебирает...» <i>Перевела Н. Кондакова</i>	23
Смысл жизни. <i>Перевела Н. Кондакова</i>	25
Повск. <i>Перевел А. Бродский</i>	27
Небо в наследство. <i>Перевел А. Бродский</i>	28
Долг. <i>Перевел А. Бродский</i>	29
Век. <i>Перевел Б. Примеров</i>	30

«Будь безмяншим, знаменитым...» Перевел Б. Примеров	31
«Побеждают — храбрые...» Перевела Н. Конда- кова	31
Камни памяти. Перевела Н. Кондакова	32
Спешу... Перевела Н. Кондакова	33
«Поэт, чего тебе страшиться...» Перевела Н. Кон- дакова	34
Низами. Перевела Н. Кондакова	35
Птицы — волны. Перевела Н. Кондакова	36
Память. Перевел А. Бродский	37
Гвоздика. Перевел А. Бродский	38
Разлука. Перевела Н. Кондакова	39
Земное. Перевела Н. Кондакова	40
Звезды. Перевел А. Бродский	41
Кушак дружбы. Перевел Б. Примеров	42
Колышутся травы, волнуются маки... Перевел Б. Примеров	43
Песнь о руках человеческих. Перевел Б. Приме- ров	44
Капли. Перевел Б. Примеров	45
Красный цвет. Перевел А. Бродский	46
Слово о Буджаке. Перевела Н. Кондакова	47
«Горы меня на руках не носили...» Перевела Н. Кондакова	48

ВЫСОКИЙ ОГОНЬ

Сверкают молнией деревья. Перевела Н. Конда- кова	50
Весеннее. Перевел Б. Примеров	52

«Бросил взгляд: виновато...» Перевела Н. Кондакова	53
Прелюдия весны. Перевела Н. Кондакова	54
Дорогой сон. Перевела Н. Кондакова	56
На земле. Перевела Н. Кондакова	58
Не забудь... Перевел А. Бродский	59
«В тот час, когда передо мной...» Перевел А. Бродский	60
Без тебя... Перевел А. Бродский	61
Песнь о виноградных созвездьях. Перевел Б. Примеров	62
«На ветру сердечко стынет...» Перевел Б. Примеров	63
«Говорила, что небо покрыто льдами...» Перевел Б. Примеров	64
«Среди цветов и птиц...» Перевел А. Бродский	65
«Край мой польною всегда был богат...» Перевела Н. Кондакова	66
«Длиннее стали дни и ночи...» Перевела Н. Кондакова	67
Увидел птицу. Перевела Н. Кондакова	68
«Берег начало день...» Перевел А. Бродский	69
Песнь степного дождя. Перевел Б. Примеров	70
Звезда. Перевел Б. Примеров	71
Снег идет. Перевела Н. Кондакова	72
«Ты пришла негаданно...» Перевела Н. Кондакова	74
Когда рябина багровела. Перевела Н. Кондакова	75
Небесный родник. Перевела Н. Кондакова	76
Дороги. Перевела Н. Кондакова	77
Если хруснет ветка. Перевел Б. Примеров	78

«Взглянул ты уныло...» Перевела Н. Кондакова	79
Слепое родство. Перевела Н. Кондакова	79
Двое. Перевел Б. Примеров	80
«Обворожил нас птичий хор...» Перевела Н. Кондакова	81
Фея счастья. Перевела Н. Кондакова	82
Моя любовь. Перевел Б. Примеров	83
«Засияет солнце...» Перевела Н. Кондакова	84
«Холодно...» Перевела Н. Кондакова	85
Зверек. Перевел Б. Примеров	86
«Не пощадило, ах, не пощадило...» Перевела Н. Кондакова	86
«Счастье ли это?..» Перевела Н. Кондакова	87
Не грусти. Перевела Н. Кондакова	88
Старинный тополь. Перевела Н. Кондакова	89
«Руки — это в небе крылья света...» Перевел Б. Примеров	89
«О, девушка, в глазах твоих...» Перевела Н. Кондакова	90
Перед тобою. Перевел Б. Примеров	91
Дорога. Перевела Н. Кондакова	92
«Если вдруг позабудешь однажды...» Перевела Н. Кондакова	93
Высокий огонь. Перевела Н. Кондакова	94
Желание. Перевел А. Бродский	95

ЦВЕТНЫЕ СНЫ

Цветные сны (утренние раздумья). Перевела Н. Кондакова	96
Страна детства. Перевела Н. Кондакова	100

Одежды наших матерей. Перевела Н. Кондакова	102
Пожар. Перевел А. Бродский	104
Горсть земли. Перевела Н. Кондакова	105
«Как нытью Млечного Пути...» Перевела Н. Кондакова	106
Раздумья над письмами. Перевела Н. Кондакова	107
Снилось... Перевела Н. Кондакова	108
На душе светло. Перевел Б. Примеров	109
Солнце. Перевела Н. Кондакова	111
Желаю добра. Перевела Н. Кондакова	113
«Спасибо, друг, что возродил...» Перевела Н. Кондакова	114
Лес души моей. Перевела Н. Кондакова	115
Цветы и люди. Перевел А. Бродский	117
Костры жизни. Перевела Н. Кондакова	118
Слово о зерне. Перевела Н. Кондакова	120
Гимн материнским рукам. Перевела Н. Кондакова	122
Голоса души. Перевела Н. Кондакова	123
«В этом мире я всего лишь капля...» Перевела Н. Кондакова	126
УЗОРЫ	
Надписи на свадебных полотенцах. Перевела Н. Кондакова	127
Ожерелья зимы. (Млапи). Перевел Б. Примеров	133
МОИ ГОЛОСА	
Сны Сетуни. Поэма. Перевел Б. Примеров	140
Стенная баллада. Перевел Б. Примеров	145
Земные голоса. Поэма. Перевел Б. Примеров	149
Старшие клятвы. Перевела Н. Кондакова	159

Куроглу Степан Степанович

К 93 Родословное древо: Стихи; Поэмы/
Пер. с гагаузск. Н. Кондаковой и др.;/
Вступ. слово С. Иванова; Худож. А. Оло-
ленко.— Кишинев: Лит. артистикэ, 1988.—
168 с.

ISBN 5—268—00026—10

В данное издание входят лучшие произведения гагаузского поэта С. Куроглу переведенные на русский язык. В стихах — любовь к родному краю — Буджэку, к человеку-труженику; неподдельный интерес к историческому прошлому своего народа.

К $\frac{4762150000-218}{M 756(10)-88}$ 26—88

ББК 84Г—5

Литературно-художественное издание

Степан Степанович Куроглу

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО

Стихи. Поэмы.

Художник *Аурел Иванович Ололенко*

Редактор *И. Святченко*. Художественный ре-

дактор *А. Святченко*. Технический редактор

К. Кучерявая. Корректор *Н. Чеботарь*

ИБ № 3509.

Сдано в набор 26.07.88. Подписано к печати 20.09.88.

Формат 70×90¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.

Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 6,14+0,04. Уч.-изд. л. 5,29+0,02 вкл.

Усл. кр.-отт. 6,33. Тираж 2000. Заказ 657. Цена 55 коп.

Издательство «Литература артистикэ»,

277004, Кишинев, пр. Ленина, 180.

Центральная типография,

277068, Кишинев, ул. Флорилор, 1.

Государственный комитет Молдавской ССР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

55 кон.